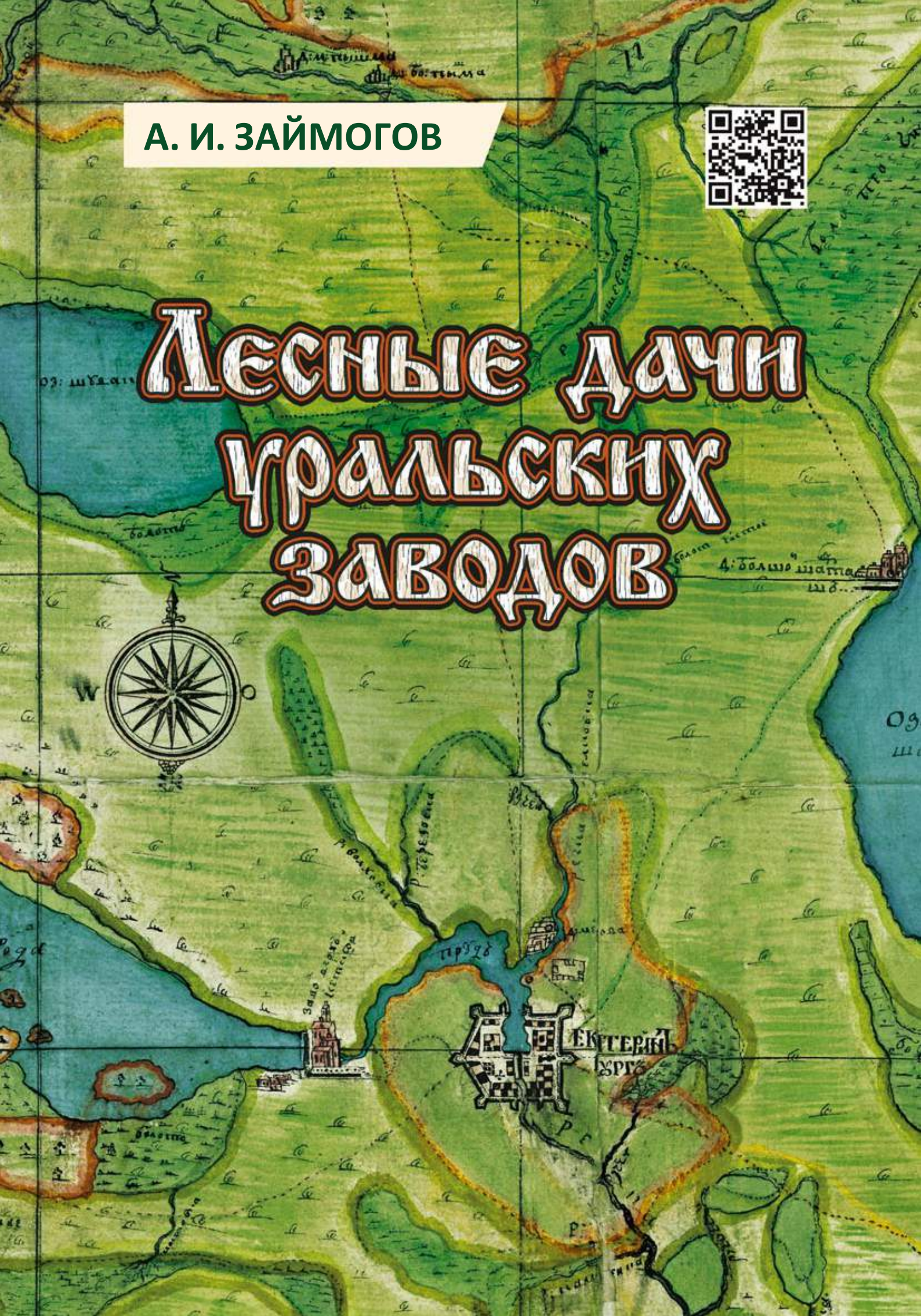

А. И. ЗАЙМОВ

Лесные дачи Уральских заводов

А. И. ЗАЙМОГОВ

**ЛЕСНЫЕ ДАЧИ
УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ**

Екатеринбург

2012

УДК 7.031.1

ББК 63.3(0)2

Александр Игоревич Займогов

Лесные дачи уральских заводов. — Екатеринбург: ООО «Грачёв и Партнёры», 2012. — 46 с.

ISBN 978-5-91256-105-4

Оформление, макет: А. С. Крупп

Книга посвящена истории развития лесных дач металлургических заводов уральского региона до середины XIX века. В ней обобщены сведения о развитии лесного законодательства в России и истории возникновения лесного хозяйства на Урале. Настоящее издание будет интересно всем, кто интересуется историей Урала и может послужить дополнительным учебным пособием на уроках истории.

ISBN 978-5-91256-105-4

© ООО «Грачёв и Партнёры»

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ИСТОРИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	6
ГОРНОЗАВОДСКОЕ ЛЕСНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УРАЛА	12
ЛЕСНЫЕ ДАЧИ УРАЛА	22
БАШКИРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ УРАЛА	31
ПРИЛОЖЕНИЕ. ДЕ ГЕННИН ОБ УГОЛЬНОМ ДЕЛЕ	37
КАРТА ЛЕСНЫХ ДАЧ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ	44

ВВЕДЕНИЕ

Почти каждому человеку в России хорошо знакомо слово «дача». Сейчас дача — это загородный дом или земельный участок, куда городской житель приезжает летом отдохнуть. Но мало кто знает, что этому слову уже почти пятьсот лет. Слово «дача» зародилось в XVI столетии от глагола «дать» или «отдать». Царь жаловал своим дворянам земли с деревнями, лесами и реками, чтобы те получали со своего имения доход и могли нести государеву службу. Наибольший доход приносил лес. Порой количество леса играло ключевую роль в доходности поместья.

Лес нужен был всегда, везде и всем. В XVI веке испанский король для строительства своей «непобедимой армады», огромного флота, цель которого была завоевать Английское королевство, вынужден был не только вырубить почти все свои леса, но и закупать строительный материал за границей.

Со временем в земельных пожалованиях стали нуждаться не только служилые люди, но и различные предприятия. Лесной надел был необходим судостроительным верфям, лесопильным и металлургическим заводам. Особенно много леса требовало поташное дело (производство мыла). Стали возникать поместья или лесные дачи заводов и фабрик. Все это требовало создания законодательно-правовой базы, правил землепользования. Это был процесс не одного года и даже не одного десятилетия. Именно о развитии и создании лесных дач горнозаводского Урала идет речь в этой книге.

Хронологически книга заканчивается серединой XIX века. Именно тогда завершилось формирование горнолесного законодательства в Российской империи.

ИСТОРИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Для любого средневекового государства лес является стратегическим ресурсом. Обилие или скудность лесного массива было признаком состоятельности или бедности страны. Понимая это, любой правитель хотел сберечь и приумножить лесное богатство. В тоже время лес стал той разменной монетой и хорошим подарком, который князь или царь отдавал в пользование своим угодным поданным. Князь Ярослав Федор, жалует местному монастырю «землю и лес, куда соха и топор ходили». Иногда монастыри обращались к правителям за помощью в сбережении полученного подарка. В 1485 г. Иван III посылает Палку Ворону в дачи Троице-Сергиева монастыря для защиты от незаконной порубки леса. Также были посланы надсмотрщики в леса Зосимского, Мелетвинского и Калининского монастырей. За рубку чужого леса надсмотрщики налагали штраф. Первый штраф за незаконную порубку леса ввел еще Ярослав Мудрый.

Иногда жалование земель и лесов было более чем простой подарок. На востоке Русского государства в 1517 г. великий князь Василий Иванович отдал (пожаловал) Строгановым под освоение и рубку огромные земли с льготным налогом на 15 лет. За 177 лет Строгановы получили во владения огромные массивы земли, площадью более 11 млн. десятин (110 тысяч кв. км). Иван IV в 1558 г. пожаловал Григорию Строганову земли по реке Каме, от Лысьвы до Чусовой; Яков Строганов получил земли по Чусовой, а в 1657 г. той же семье были отданы земли по реке Лысьве до реки Ошапы. Целью этого пожалования было создание на этой земле плацдарма для будущего освоения Сибири.

В XVI веке леса на окраине государства стали активно использоваться как часть приграничных укреплений. Такие леса стали называться «засечными». Засечные леса получили особое развитие в XVI–XVII веках на южных границах Русского государства для защиты от нашествия монголо-татарских и крымских войск, а также в качестве опоры при наступлении на противника. Самой мощной линией являлась «Большая засечная черта», которая входила в общую систему обороны Русского государства и состояла из укрепленных городов крепостей (в 1630 году их насчитывалось свыше сорока), собственно засечной черты в полосе между Мещёрскими и Брянскими лесами, тыловой линии по течению реки Оки и поселений сторожевой казачьей службы.

Частая раздача леса привела к тому, что уже к концу правления Алексея Михайловича Романова в центральных районах России стал остро ощущаться недостаток леса. Эту проблему пришлось решать Петру I.

Переломный момент наступил с началом петровских преобразований. Северная война и быстрое развитие промышленности привело к важным изменениям в лесном законодательстве. Также можно сказать, что в этот период началось зарождение лесного хозяйства и науки, изучающей лес. Постройка флота, строительство корабельных верфей, мануфактур, заводов, развитие речного транспорта, потребовало огромного количества леса. Петр I объявляет лес государственной собственностью, кроме лесных зон, находящихся в вотчинном землевладении. Свой пер-

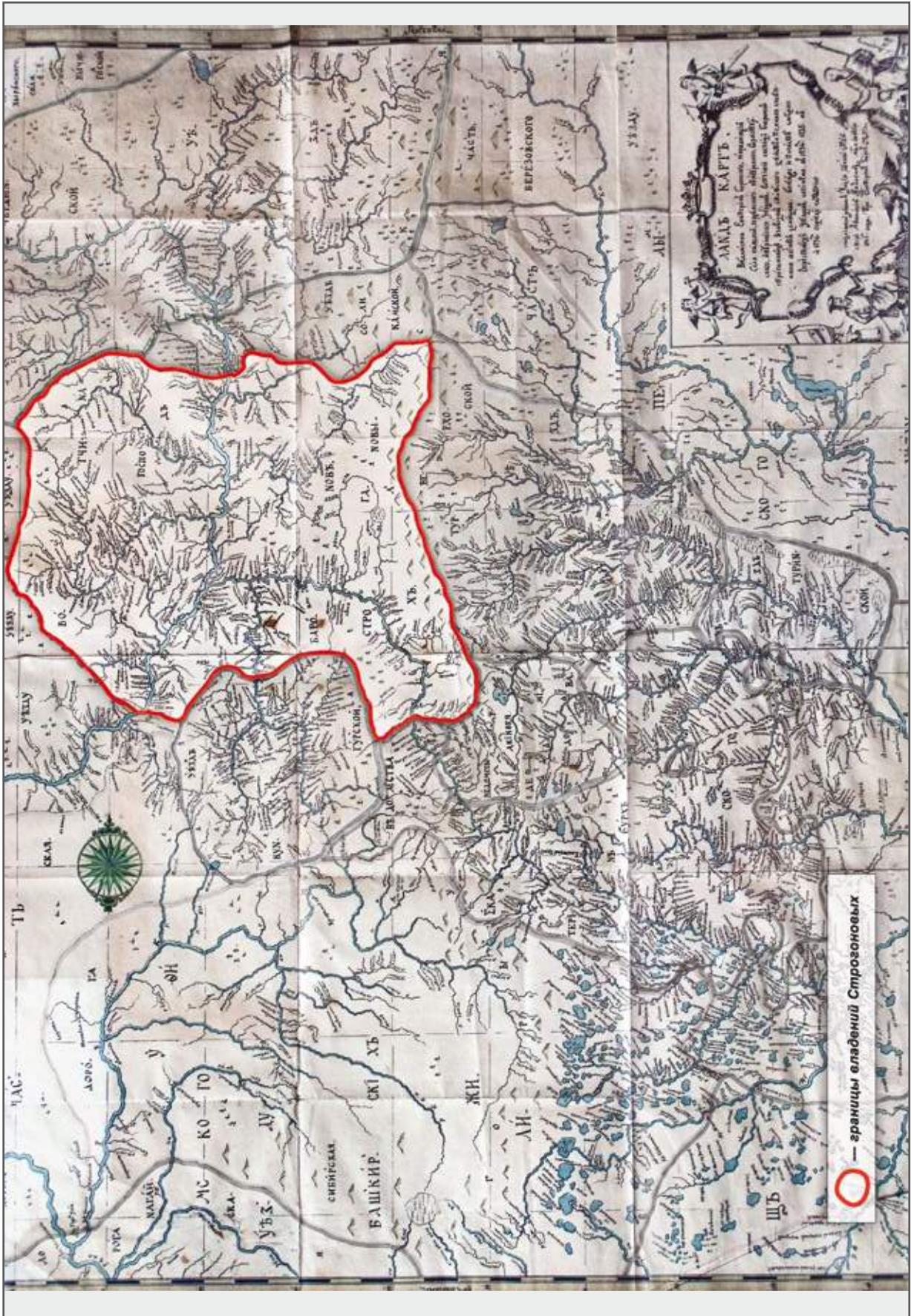
вый указ о лесе Петр I издал в 1702 г. Так же были выделены «заповедные» или корабельные леса, предназначенные для строительства флота. Следить за этими лесами поручалось Адмиралтейской Коллегии. В ее обязанности входило межевание, охрана и описание этих лесов. Существовал запрет на рубку заповедных лесов в Уфимской и Казанской провинции. Коллегия составила инструкцию по охране лесов. По этому документу воеводы и губернаторы должны были сверять описание заповедных лесов прошлых лет. Инструкция вводила запрет на рубку заповедного леса в частных лесных дачах, то есть ограничивала права частной собственности на лес. Все владельцы дач обязывались исполнять данное постановление. Так же предполагалось, что весь лес должен быть клеймен разными клеймами, в зависимости от категории предназначения леса. Исключение из этого правила составили уральские леса. Урал стал основой металлургической базы страны. Для создания этой базы требовались льготы и послабления. Поэтому Петр I предоставил первым заводчикам леса в льготное пользование. Семье Демидовых были отведены лесные массивы в радиусе 30 верст вокруг заводов. Позднее были еще лесные отводы. «Так к заводчикам Демидовых неоднократно отводили лесные массивы, не подлежащие клеймению и выделению заповедных лесов». Получившим такие льготы предписывалось не рубить подряд, а вырубленные участки отводить под молодую поросль.

Самый первый и основной законодательный акт, касающийся отвода земель и лесов к частным заводам — Берг-привилегия, изданная в 1719 г., четко обозначила границы отвода земельных участков под строительство и нужды завода: «250 саженой длины, 250 саженой ширины». За пользование этой землей уплачивался налог.

Петр, чтобы еще более упорядочить лесное хозяйство, устанавливает ряд должностей и инструкций по сбережению и охране леса. В 1723 г. издается инструкция для вальдмейстеров. При Адмиралтейств-коллегии была создана вальдмейстерская канцелярия во главе с обер-вальдмейстером. На местах назначались вальдмейстеры, территориально они были привязаны к рекам, были вальдмейстеры больших и малых рек. Вальдмейстеры больших рек: по одному на Днепр, Дон, Западной Двины, Каме, Суре, Оке, Ладожском и Ильменском озере. На Волге предусматривалось по штату два вальдмейстера. Вальдмейстеры малых рек подчинялись вальдмейстерам больших рек. Вальдмейстерами назначались помещики, жившие вблизи лесов, получая жалования за службу из своих деревень. Рангом ниже были унтер-вальдмейстеры — дворяне, имевшие для кормления 2–3 тыс. крестьянских дворов. Для непосредственной охраны заповедных лесов назначались надзиратели, которые получали жалование с 500 крестьянских дворов.

В инструкции для вальдмейстеров повторно говорилось о запрете рубки заповедных лесов в частных лесных дачах, однако разрешалось рубить леса пригодные на строительство торговых и речных судов.

Со смертью Петра I ситуация меняется не в лучшую сторону. В 1726 году Екатерина I, видимо, пойдя на поводу у крупных помещиков и заводчиков, отменила должность вальдмейстеров. Их функции были переданы воеводам. А в связи с большим количеством построенных кораблей, количество

■ Рис 1. Ланцарт ведомства Екатеринбургского с указанием владений Стругановых, 1734–1736 гг.

■ Рис 2. Карта засечных лесов в XVII в.

заповедных лесов резко сократили и, что немало важно, разрешили неограниченную вырубку леса. Это повлекло негативные последствия для лесного хозяйства, и уже в 1730 г. правительство вновь восстанавливает должность вальдмейстеров, в качестве помощников воевод и губернаторов. В указе 1732 г., который назывался «О сбережении, рубки и заготовлении лесов на построение флота», говорилось о беспощадной рубке леса и остром недостатке его в некоторых районах страны.

Уральская металлургия, за счет большого экспорта железа за границу, приносила большой доход казне. Поэтому правительство было заинтересовано в дальнейшем ее развитии и пошло на очередные уступки уральским заводоладельцам. В 1739 г. издается Берг-Регламент, основной закон для металлургической промышленности, в котором право на отвод земель и лесов заводом, переходило местной администрации.

Для второй половины XVIII в. были характерны постоянные жалобы на дороговизну и недостаток лесов. Под влиянием этих жалоб и нарастающей угрозы исчезновения столь необходимого леса, правительство вновь делает попытку провести учет всего лесного массива, не только государственного, но и частного. В 1754 г. издается инструкция межевщикам, в которой подробнейшим образом разъяснялось правило размежевания земель. Отдельная глава в ней была посвящена межеванию земель приписанных к казенным заводам и фабрикам. Не смотря на все предписания и инструкции, межевание земель так и не было проведено. Все это приводило к постоянным спорам и тяжбам между заводоладельцами. Для проведения межевания земель, правительство Екатерины II в 1765 г. создает специальную Сенатскую Межевую Экспедицию. В 1766 г. в феврале, была опубликована «Инструкция землемерам, к Генеральному всей империи земель межевания».

Одной из основных задач которой было «развести всех владельцев в спорах по их землевланию». Подобная инструкция была составлена и для межевых губернских канцелярий и провинциальных контор.

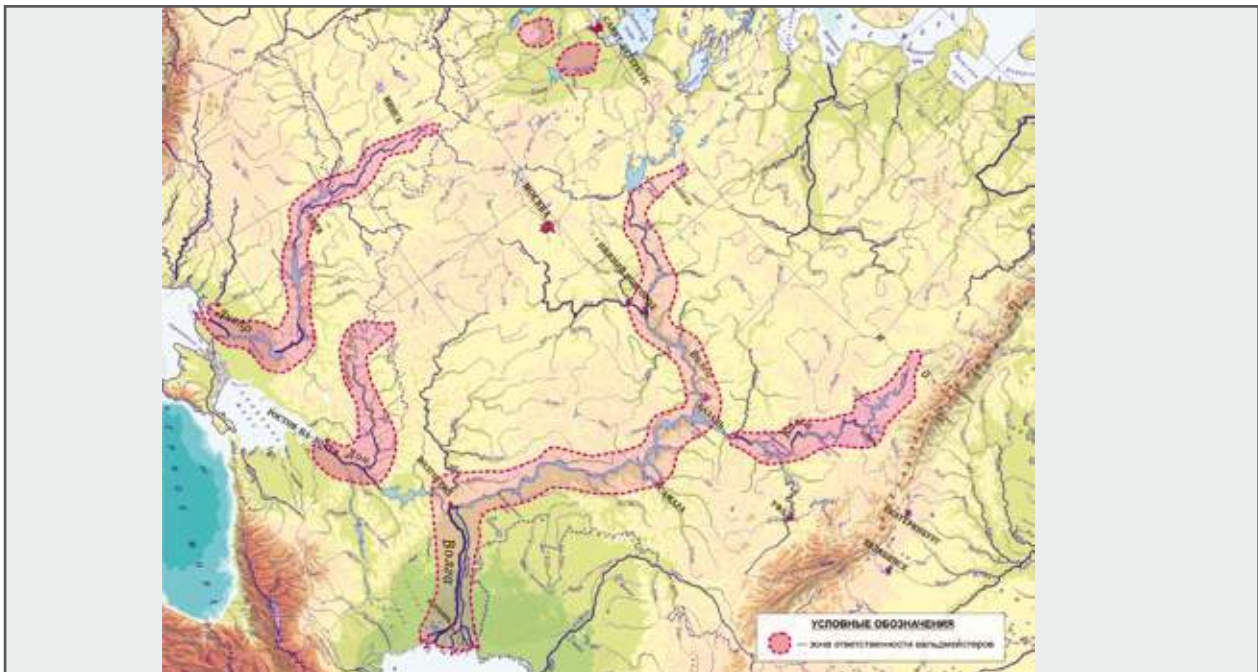
Екатерина II, расширяя права дворян, дала им полное право собственности на леса, что привело к обезлесиванию целых районов. В конце XVIII – начале XIX вв. резко увеличился поток жалоб на «оскудение» лесов. «Нехватка» лесов ощущалась и на Урале. Многие уральские заводы испытывали

недостаток в древесном топливе, что вело, в некоторых случаях, к сокращению производства и затрагивало как интересы заводоладельцев, так и казны.

Правительство все точнее определяло законы, направленные на сохранение лесов. В 1786 г. была сделана попытка составить лесной устав, который бы упорядочил существующие постановления по лесному вопросу. Снова был поднят вопрос «об описи, обмежевании и разделении на части казенных лесов». На 1798 г. лесостроительные работы были проведены только в семи губерниях: Санкт-Петербургской, Костромской, Воронежской. Куртской, Орловской, Вологодской и Псковской.

В 1800 г. леса, отведенные заводам и фабрикам, были переданы в ведение Берг-коллегии. На местах леса оказались под контролем горного начальства. В это время на Урале были созданы три горных начальства: Пермское — в Юговском заводе, Гороблагодатское — в Кушвинском, Екатеринбургское — в Екатеринбурге. Тогда же был утвержден штат Екатеринбургского горного начальства, состоявшего из двух департаментов. Второму департаменту передавалось решение всех дел, касающихся частных заводов, в том числе отвод земель и лесов к новым заводам, разбор споров о лесах, выяснение количества имеющихся лесов и другие вопросы. В целом, законодательство XVIII в. по лесному вопросу знаменуется изменением курса правительства в деле охраны и упорядочения использования лесного богатства. Леса были объявлены государственной собственностью, были разработаны правила их эксплуатации. Одновременно шла приписка лесов к заводам и фабрикам, разделение лесов по ведомствам. Все это конечно требовало учета запаса лесов и установления точных границ. На очереди стояла все еще нерешенная задача размежевания земель, в частности лесных массивов. Задача эта и не могла быть решена, ввиду противоречивой политики правительства, результатом которой была раздача лесов в собственность.

В первой половине XIX в. правительство все настойчивее пыталось навести порядок в лесном хозяйстве, удовлетворить нужды промышленности, строительства, торговли. Был издан ряд законов, требовавших ведения лесного дела по правилам науки, был разработан и принят проект лесного устава. Проект устава передавал казенные леса в распоряжение лесного департамента, который в это время, как и Берг-Коллегия, находился в составе министерства финансов.

■ Рис 3. Карта зон ответственности Вальдмейстеров

Лесной департамент должен был располагать сведениями о территории, занимаемой лесами, о роде деревьев, принимать меры по охране лесов, вести подсчет и описание лесов с указанием расстояния от рек, заводов и селений; иметь генеральные карты на леса по дачам, заботиться о разведении и прумножении лесов и посылать лесных инспекторов в губернии.

Правила ведения лесного хозяйства и эксплуатации лесов на горнозаводской территории определены проектом горного устава. Все леса, приграничные к заводам, передавались в полное распоряжение горного правления.

После принятия проекта горного устава лесным департаментом, за его чиновниками оставалось право собирать различные сведения об этих лесах, смотреть за выполнением правил лесоводства, наблюдать, чтобы не вырубалось леса больше нормы, но ни в коем случае «не вмешиваться во внутреннее распоряжение и управление лесов, ни в наделение оными людей, имеющих в лесах нужду...». Глава XVII проекта горного устава, посвященная заводским лесам, законодательно оформила право горного правления заведовать заводскими лесами, определила отношения горного правления и лесного департамента, роль обер-форстмейстеров и форстмейстеров. Таким образом, полномочия лесного департамента были сведены к сбору сведений и пассивному наблюдению, тогда как горное правление получило фактически неограниченную власть над казенными, приписанными к заводам, лесами.

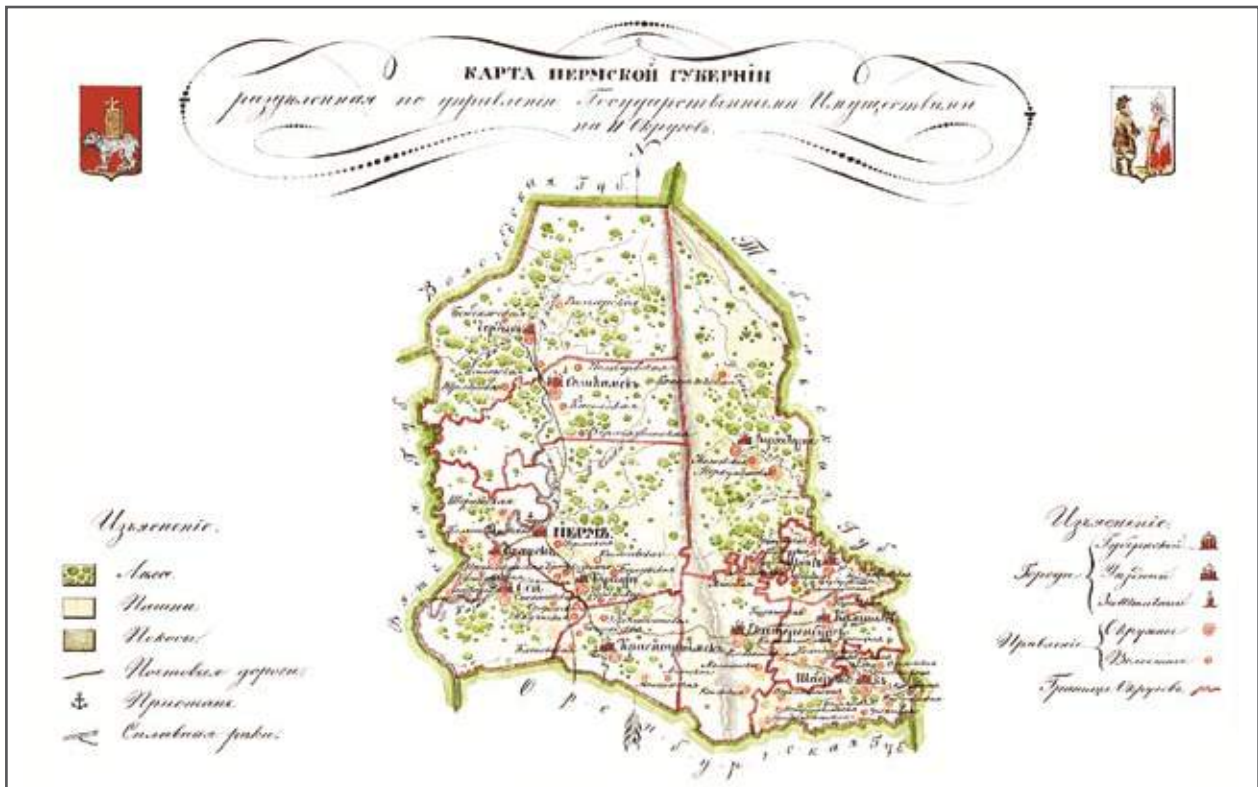
Во второй четверти XIX в. на Урале имел место недостаток лесов почти во всех заводских дачах. Нужны были конкретные меры по обеспечению заводов топливом, по сохранению лесных ресурсов. Министром финансов Е. Ф. Канкриным была утверждена «Инструкция», имевшая целью обратить внимание горного правления на состояние лесного хозяйства заводов, на меры, необходимые для его улучшения.

В числе причин, приведших к истощению лесов в отдельных горнозаводских округах Урала, Канкрин назвал следующие: большая потребность в лесах и их нерациональный расход; несовершенство лесного управления и охраны лесов; отсутствие точных границ лесных дач и данных о количестве лесов; беспорядочные порубки, без оставления семенных деревьев; вырубки лесов в ближайших районах.

Инструкция предназначалась для уральских казенных заводов, а частные заводы управлялись по правилам, изложенным в проекте горного положения. Стремление правительства наладить порядок в лесном деле «по правилам науки и доброго хозяйства» нашло отклик и среди отдельных представителей общественности.

В 1832 г. в Санкт-Петербурге было создано Общество для поощрения лесного хозяйства. В Москве обществу разрешалось открыть отделение, а в губерниях избирать членов и корреспондентов. Общество ставило перед собой цель поощрять сохранение частновладельческих лесов, распространять среди владельцев лесов правила научного ведения лесного хозяйства, знакомить их с достижениями в этой области, известными в России и за границей.

Общество имело печатный орган «Лесной журнал», издаваемый с 1833 г. В нем публиковались статьи по вопросам ведения лесного отдела, переводы статей из иностранных журналов, разнообразные сведения о лесонасаждениях, о лесопилении. В целом журнал носил описательно-информационный характер, и его деятельность не внесла изменений в существующую практику лесоводства в стране. В эти же годы, в связи с работой, проводимой по составлению свода законов, сводились воедино все ранее изданные и действующие лесные законы, подготавливался лесной устав. В 1833 г. был опубликован, так называемый, «Свод устава лесного». В нем нашло законодательное оформление, уже существовавшее разделение лесов «по предметам употребления их на хозяйственные нужды». Все леса разделялись

■ Рис 4. Карта Пермской губернии (из атласа губерний Российской Империи, 1843 год, Грибовский)

на 14 категорий, с учетом исторически сложившихся видов пользования и владения ими. Наибольшее внимание уделялось собственным казенным лесам и лесам, отведенным к промыслам, заводам и фабрикам. Группой статей узаконивалось управление этой категорией лесов. В основу управления была взята инструкция Е. Ф. Канкрин. Ряд статей дополнял и расширял ее. Вопросы описания, межевания, наделения заводов лесами и ряд других передавались горному управлению. Определялась и роль горного начальника в лесном хозяйстве. Он должен был следить за разделением лесов на лесосеки, назначать места для последующих вырубок, информировать горное правление о состоянии лесосек. В 1842 г. был издан Лесной устав, который почти без изменений был переиздан в 1857 г. Лесной устав (издания 1842 и 1857 гг.) по своей структуре значительно отличался от Свода лесного устава 1833 г. Новый документ состоял из пяти книг, большего количества статей, более четко распределенных по главам, отделам. Лесной устав являлся итогом всей политики правительства в вопросах устройства лесного хозяйства дореформенного периода. Согласно ему, все леса окончательно разделялись на три группы: государственные, общественные и частные. Внутри каждой группы определялись категории лесов с учетом их использования. Так, к группе государственных, или просто казенных, относились леса, принадлежащие казне: корабельные рощи, выделенные адмиралтейству; леса, приписанные к разным промыслам, заводам и фабрикам; леса военных поселян и иностранных поселенцев; леса городские и казенных крестьян, и другие категории. Для истории горнозаводского Урала наибольший интерес в лесном уставе имеют книги вторая и третья о казенных лесах, состоящих в ведомстве Министер-

ства государственных имуществ, и о казенных лесах, приписанных к промыслам, заводам и фабрикам.

Вторая книга лесного устава посвящена вопросам устройства и управления казенными лесами. Устав требовал для казенных лесов обязательного внешнего и внутреннего межевания, подробного описания состояния лесов, систем этической подачи в Палату государственных имуществ данных о вырубке и приросте леса, о разделении леса по видам его употребления: корабельный, строевой, поделочный, дровяной. Определялись и статьи расхода казенного леса.

Третья книга лесного устава полностью посвящена лесам, приписанным к промыслам, заводам и фабрикам. Не все леса отдавались под надзор лесного начальства. Леса же, приписанные к казенным заводам и фабрикам и отведенные к частным горным заводам, полностью изымались из ведомства лесного начальства и, как правило, передавались в управление горным правлениям.

Уральские горнозаводские леса передавались в «исключительное заведывание горного начальства», согласно инструкции Канкрин. В обязанность горного правления входило разрешение широкого круга вопросов, связанных с лесным хозяйством заводов: уточнение времени отведения и размеров приграничных к заводам лесов, границы заводских дач, разделение заводских дач на лесосеки, установление годовой потребности в лесах, отвод к заводам новых лесов. При наделении лесами заводов, горному правлению предписывалось отводить леса в первую очередь казенным заводам, работающим на оборону. Лесной устав вообрал в себя основные постановления по лесному хозяйству страны со времен Петра I и до середины XIX в.

■ Рис 5. Титульный лист «Лесного журнала», XIX век

Анализ Лесного устава позволяет сделать вывод о том, что судьба леса стала безразлична для правительства, так как лес являлся основным топливом промышленности, предметом экспорта и имел большой спрос на внутреннем рынке. Подытоживая сказанное, следует отметить, что вся история лесного законодательства в России свидетельствует о постоянной хищнической эксплуатации зеленого золота, приведшей в XIX в. к обезлесиванию больших территорий. Стремление правительства как-то упорядочить вырубку лесов, бесперебойно обеспечивать промышленность древесным топливом, наладить рациональное использование лесных ресурсов, как правило, было тщетным, так как одновременно с этим само же правительство продолжало отводить леса в полное распоряжение заводчиков. Такая противоречивость действий правительства в данном вопросе обрекала на провал все попытки наладить рациональное ведение хозяйства. При частной собственности на лес и погоне лесовладельцев за прибылью, невозможно было разрешить лесную проблему.

Однако в 40-х годах XIX в. были и некоторые результаты этих попыток. С упорядочением в лесоустройстве, лесоуправлении и лесохранении несколько уменьшились самовольные порубки и пожары. Так в 1842 г. порубок было произведено на 386 769 руб., а пожарами было истреблено леса на 4 230 110 руб. В 1843 г. леса было вырублено на 334 436 руб., а пожарами истреблено на 67 566 руб. В 1844 г. продолжалось снижение самовольных порубок и усиление мер по охране лесов от пожаров. В этом году леса было вырублено на 184 697 руб., а от пожаров погибло леса на 31 314 руб. Конечно, эти результаты «не делали погоду». В целом по стране, в частности на Урале, леса по-прежнему вырубались огромными массивами, без учета прироста.

ЕГОР ФРАНЦЕВИЧ КАНКРИН (1774-1845)

Писатель и государственный деятель, родом из города Ганау (близ Франкфурта-на-Майне), образование получил в Германии. В 1796 году приехал в Россию, где жил его отец. С 1800 году Канкрин был помощником отца, позже служил советником экспедиции государственной экономии при Министерстве внутренних дел, затем инспектором немецких колоний Петербургской губ. С 1823 по 1844 годы — возглавлял министерство финансов. С его именем тесно связаны восстановление металлического обращения, укрепление протекционной системы и улучшение государственной отчетности и счетоводства.

Канкрин обращал особенное внимание на казенные леса, но, не имея возможности управлять со всей их «необъятной массой», принужден был распределить эти леса, смотря по частному их назначению, между разными ведомствами. Для лесов, предназначенных снабжать древесными материалами горные заводы, составлена им самим (на немецком языке) известная «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского, по правилам лесной науки и доброго хозяйства», русский перевод которой напечатан в 1830 году. Эта инструкция должна была заменить собой на время Лесной Устав и служить «руководством к исполнению существующих узаконений». Она представляет собой очень хороший для того времени учебник лесного хозяйства. «Науку лесного хозяйства» на заводах Канкрин считал не менее важной, чем собственно горные науки. Вместе с тем, инструкция касается и многих частных вопросов, даже таких, над удовлетворительным разрешением которых трудились лесные хозяева в последние 20–30 лет, как, например, о возвращении дубовых низкоствольников на корье для дубления кож.

ГОРНОЗАВОДСКОЕ ЛЕСНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УРАЛА

Изучение истории горнозаводской промышленности Урала не может быть полным без исследования состояния топливной базы заводов, без выяснения влияния ее на заводской процесс. В связи с этим, представляют определенный интерес вопросы наделения заводов лесами, межевание заводских дач и лесоустроительные работы в горных округах. Строительство уральских заводов сопровождалось отводом земель, в том числе огромных лесных массивов под заводские нужды.

11 сентября 1698 года царь вынес решение о строительстве первого казенного металлургического завода на Урале. Летом 1699 года Верхотурский воевода получил грамоту из Сибирского приказа о заготовке леса для плотины и дров на уголь. 19 января 1700 года началось строительство Федьковского (Невьянского) завода. Строительные работы на Невьянском заводе стали вестись одновременно с Каменским. Уже через год, 8 января 1702 года, на Невьянском заводе было выковано первое железо. 10 февраля того же 1702 года в Москве, в Сибирском приказе, тульский оружейник Никита Демидов, просит о передаче ему Верхотурского (Невьянского) железного завода.

Одна из причин, интереса Демидова к Невьянскому заводу была в том, что он уже не мог развивать свои тульские заводы. *«А ныне де по именному нашему Великому Государя указу, около Тулы дубовых лесов на уголь и ни на какие дела рубить не велено, и за уголем де на тех заводах нашему Великому Государю, делу в железных плавках, и во всяких припасах чиниться остановка»*. При этом будущий «железный магнат» Никита Демидов просит отпустить его на Сибирские железные заводы, предлагая более низкую цену на воинские припасы, чем главные поставщики Пушкарского приказа Л. К. Нарышкин и В. Меллер. Для обеспечения заводов топливом Демидов предлагает сечь деревья вблизи предприятий, где он укажет. Поднимая цену вопроса, Демидов заявил, что она будет такая же как и на Тульских заводах. Получив принципиальное согласие Петра I, Демидов отправляется на Урал.

Вот так эту ситуацию описывают современные историки: «Для сбережения леса Демидову предписывалось на вырубленных местах вновь «леса запустить». Для поселения работников и для «скотного выпуску сенных покосов» Демидов просил дать ему удобные места недалеко от завода.

Он также просил для защиты своих интересов запретить рубку дров «сторонним людям» в тех местах, где ведется рубка дров для завода. Кроме того, он просил «руду ему копать и на заводы возить, где он сыщет, и в тех местах никому иному тех руд копать не велеть». Еще он желал иметь разрешения на заведение новых заводов в Сибири на тех местах, «где приищет», и на тех реках, где будут построены новые демидовские заводы. Выслушав эти предложения и выписку Виниуса о ценах на воинские припасы, Петр указал отдать Верхотурские железные заводы на Нейве реке, и, где найдет удобные места и на других реках и Тагиле у магнитной руды, отдать во владение тулянину Никите Демидову. Кроме того, ему разрешалось рубить леса и жечь уголь.

Под дровяные кучи и для домов мастеровых и рабочих людей предписывалось дать двести или триста десятин. Притом особо подчеркивалось, что земли для этого должны быть порожними, и об этом следовало привезти свидетельство в Сибирский приказ. Указывалось, что земли для этого, а также для сенных покосов, не должны принадлежать слободским крестьянам, и запрещалось Демидову чинить им любые обиды. Таким образом, мы видим, что в указе от 4 марта 1702 года Демидов получил не все, что просил, хотя по сравнению с его будущими привилегиями его предложения достаточно умеренны. Он получает Невьянский завод, хотя Каменский остается в руках государства. Ему разрешается рубить лес около завода, но не определяется размер земельной дачи, приписанной к заводу. Зато точно определена площадь под заводское поселение, что являлось новым для формирующегося тогда горного законодательства и что позднее войдет в Берг-привилегию. Не был поставлен также вопрос о размерах лесной дачи для обеспечения непрерывной работы завода. Одно из наиболее важных уточнений прав Демидова было сделано в ходе обследования уральской металлургии главой сибирского приказа А. Виниусом в 1703 году.»

Для уточнения ряда вопросов по управлению заводами, в Невьянск был отправлен Андрей Андреевич Виниус, возглавлявший в то время Сибирский приказ. Никита Демидов и Андрей Виниус были хорошо знакомы друг с другом. Виниус в своих письмах называет Демидова «мой добрый приятель». Демидов попросил поселить на заводе десять беломестных казаков, наделив их пашней. В ходе переговоров между главой сибирского приказа и заводовладельцем была составлена «Память», в которой подтверждалась не только предыдущие льготы. Н. Демидову под нужды завода, но и передавалась лесная дача, окруженностью 30 верст, с деревнями Аятской и Краснопольской слободами. Большинство тех земель были не заселенными, что давало в дальнейшем возможность постройки новых заводов. Рабочей силой стали жители окрестных селений. Подразумевалось, что они были освобождены от повинностей в пользу государства, взамен они должны были работать на демидовских заводах. Что же касается самих лесов, которые вошли в состав заводской дачи, правительство наказывало их беречь, да и сам Демидов это понимал. Его Тульские заводы очень сильно страдали из-за нехватки леса. В правительственном наказе говорилось, что «принятые леса не прогнать и чтоб построить из него пристойно делать, учинить объезды почасту, чтоб глупые мужики лес не пожгли, а где лес посечен засеивать заново».

Исходя из вышесказанного, мы видим, что в «Памяти» впервые был определен размер земельной дачи Демидовых, которая по площади составляла 3 600 квадратных верст и включала в себя земли и уголья двух пограничных с заводами слобод. Однако в «Памяти» были прописаны требования, которые правительство налагало на Демидова по пользованию землей и лесами. Ему было предписано, чтобы он «леса одиночно беречь и велел сечь сряду чтоб то место запустя опять поросло», кроме того, для охраны лесов ему было велено «учинить объезды почасту», объясняя это тем, что «мужики своим глупым неразумением или озорничеством леса жгут», а заводы без лесов работать не могут. За это

нарушителей было приказано жестоко наказывать: «кои зажигают, бив их при многих гораздо,...чтоб то зажигание было во всех страшно», а затем отсылать в города. Кроме того, предписывалось, чтобы сберечь леса, к лесным припасам относиться бережно: «Чтоб тебе принятые леса не прогнать и чтоб построить из него пристойно делать и достойное держать под кровлю в береженьи добром». Это мотивировалось тем, что тогда на тех же припасах, на той же земельной даче могут быть заведены и новые заводы.

Также в указе содержались положения о том, чтобы вырубленный лес вновь запускать, но в указе это положение было более разработано, в частности, предписывалось сечь в одну сторону только половину и сразу же вырубленные места вновь запускать лесом, «чтоб впредь в тех местах неприятели ворваться не могли». Так же, как и в памяти, в указе содержалось положение о запрещении жителям сел и деревень рубить деревья на землях, переданных Демидову.

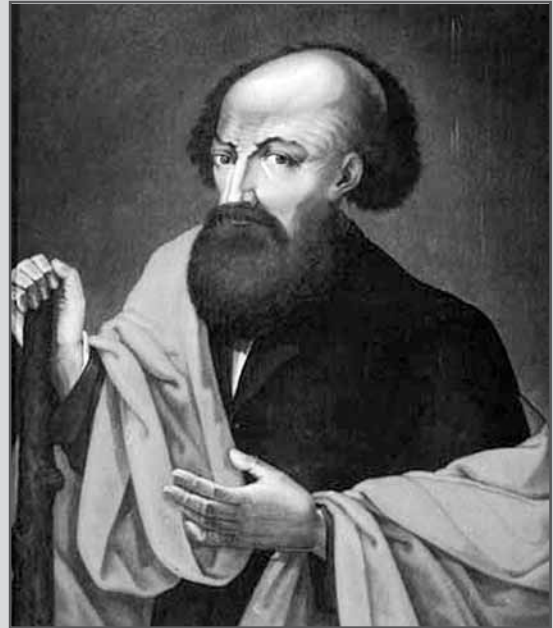
Если при передаче Невьянского завода были оговорены вопросы о передаваемой территории где отдельно прописывался порядок использования леса, то основным и пожалуй единственным законом, которыми руководствовались при отводе земли под заводские нужды, была Берг-привелегия. Но в ней не оговаривался размер лесных массивов передаваемый заводу. Возглавив управление Уральскими заводами, Татищев сразу обратил внимание на состояние лесов. В 1721 году он пишет наказ комиссару Уктусского завода Бурцову, отдельно выделив главу «О хранении лесов».

В этом наказе было запрещено местным жителям рубить лес на расстоянии 10 верст от завода. Для охраны лесов были выделены должности лесных объездчика и подьячего. Их работа заключалась в постоянном осмотре лесов и пресечении незаконной вырубке. Если же кто то нуждался в строевом лесе, то должен был обратиться за разрешением в горную канцелярию.

В этом же году в Берг-коллегию была отправлена докладная записка за подписью Татищева. В ней Василий Никитич предлагал ввести ряд мер, которые могли бы сохранить леса в окрестностях заводов. В параграфе 3 было написано: «хотя леса возле заводов вновь посажены, но заводские жители эти молодые деревья рубят для своих надобностей на дрова, на

■ Рис 6. Карта Демидовских владений, сер. XVIII века

НИКИТА ДЕМИДОВ
(1656–1725)

Никита Демидович происходил из мастеров-оружейников, владел в Туле оружейной фабрикой и «вододействующим» чугуноплавильным заводом. Был поставщиком оружия для войска во время Северной войны.

В 1702 году Демидову были отданы казенные Верхотурские железные заводы, устроенные на реке Невье на Урале еще при Алексее Михайловиче, с обязательством уплатить казне за устройство заводов железом в течение 5 лет и с правом покупать для заводов крепостных людей.

Производительность уральских заводов оказалась очень высокой, а их продукция вскоре существенно превзошла общий объем производства всех заводов Европейской России. Демидов отстаивал свои интересы перед губернаторами и коллегиями. Когда в 1722 году новый руководитель уральской промышленности В. Н. Татищев начал проводить политику развития казенных предприятий на Урале для дальнейшей передачи их в частные руки. Демидов, увидев в этом угрозу своей монополии, оклеветал его перед царем, и над Татищевым назначили следствие.

В результате вмешательства царя, суд наложил на Никиту Демидова огромный штраф, и на Урале начала развиваться казенная промышленность. Демидовская монополия оказалась нарушенной, на Урале впервые появились другие промышленники).

17 ноября 1725 года Никита Демидов умер.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ВИНИУС
(1641–1718)

Сын голландского купца, переселившегося в Россию в середине XVII в. В 1664 начал службу переводчиком. Известен как составитель обширного труда «Описание расстоянию столиц, нарочитых градов, главных государств и земель <...> от града Москвы, сколько до которого городу». С 1685 года заведовал почтами в России. В 1690-х гг. Виниус был уже думным дьяком. Но дружба его с Ф. Л. Шакловитым, руководителем заговора царевны Софьи Алексеевны, направленным против Петра I, едва его не погубила. В 1697 году управлял Сибирским приказом и приложил много знаний и усилий, чтобы наладить производство железа на уральских заводах. Принадлежал к числу близких к Петру I лиц. На нем лежала обязанность просматривать переводы книг, которые готовились к изданию, он был непременным участником составления «программ» к триумфальным въездам. По поручению царя он принимал деятельное участие в учреждении первого в России морского училища – Навигацкой школы, позднее ставшей Морской академией. В 1706 года Виниус уехал за границу без разрешения Петра I, за что его имущество было конфисковано. В 1708 году он вернулся в Архангельск и просил царя о возвращении принадлежащих ему дома, книг и пр. Просьба его была удовлетворена, и Виниус снова приступил к активной деятельности сподвижника Петра I. Он перевел множество книг: «огнестрельную книжицу», «трактат о механике», «о фейерверках» и др. После смерти Виниуса собрание его книг по приказанию Петра I было передано в Библиотеку Петербургской Академии наук, в настоящее время хранится в БАН.

жерди и другие безделицы, и рубят так много жалко смотреть, и при таком порядке леса даже за столетие не восстановятся». Поэтому нужно было ввести суровое наказание за порубку молодого леса. На протяжении нескольких веков, основной угрозой для леса были пожары. Об этом писали почти все руководители Уральских заводов в XVIII–XIX веках. Василий Никитич Татищев не был исключением. В этой же записке он написал ряд предложений, которые могли бы уменьшить число пожаров. В четвертом параграфе была рекомендация, какой лес следовало пускать на дрова. Предполагалось, что рубить дрова следовало бы в сырое время, дабы избежать пожаров. «Деревья толще двух вершков, а также колоды, оставшиеся после рубки, даже если они уже гниют, класть в кучи на угольное жжение». Предлагалось ввести жесткий штраф, для крестьян, проживавших в заводских слободах, за поджог травы вне пашен. Так была введена круговая крестьянская порука. В случае, если пожар возник рядом с деревней или слободой, и конкретный виновник не был найден, штраф платили всем «селом». Для усиления этой меры, выбирались несколько крестьян, с которых бралось обещание смотреть за остальными жителями, «дабы те пожары по глупости не учинили». Еще одним важным предложением была обязательная опашка леса между полями и лесами, чтобы через горящую траву огонь не перекинулся на лес.

Понимая то, что крестьянам лес был необходим так же, как вода и хлеб, Татищев предлагал выделить определенную территорию со строевым лесом. При этом необходимо было соблюдать правильность вырубki.

Помимо всего прочего предлагалось ввести определенный штат людей, задачей которых был постоянный объезд лесных массивов, с целью предотвращения пожаров и незаконной вырубki деревьев. Подчиняться они должны были заводской канцелярии в Екатеринбурге.

Рассмотрев предложения Татищева, Берг-коллегия согласилась ввести ряд дополнений. Разрешалось введение лесных надсмотрщиков и надзирателей. По поводу крестьян было одобрено введение круговой поруки. В случае, если крестьянская запашка была очень большой и пашня в плотную подходило к лесу, а причиной большой запашки было большое количество крестьян в слободе или деревне, то предполагалось переселить часть людей в другие места. Что же касается отдельных лесосек, которые должны были удовлетворять нужды крестьян в лесу: крестьянские лесосеки не должны быть сильно удалены от селений.

К сожалению, развить свои начинания Татищеву не удалось. Между ним и Демидовым произошел конфликт. В результате которого, Татищев был отозван.

Новым начальником Уральских и Сибирских заводов стал генерал-майор Вильгельм де Геннин. Прибыв на Урал и произведя осмотр заводов с прилегающей территорией, новый начальник, был поражен ужасным состоянием дел в заводском лесном хозяйстве. Больше все его поразило нерациональное использование лесов для нужд небольших крестьянских домниц. Как и Татищев, именно в крестьянах, он видел главную угрозу лесному хозяйству. Де Геннин считал, что для нужд крестьянских домниц идет слишком большое количество леса и руды. В своих письмах он писал, что для угля рубятся только сучья,

Рис 7. Арамилская и Краснополская слободы с «Чертежа межевой башкирской земли», 1695 год.

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ДЕ ГЕННИН
(1676– 1750)

Родился в городе Зиген (Северный Рейн-Вестфалия). Проявил себя при взятии Выборга, Кексгольма, Гангута. Судьба свела его с людьми из окружения Петра I. До 1701 года архитектор оружейной палаты. С 1713 года комендант Олонецких заводов под Петрозаводском (Карелия), которые под его руководством стали крупнейшим промышленным комплексом по производству вооружения в России. В 1719 г. Де Геннин привозит из-за границы 16 мастеров и идею внедрить машинное производство в России. Отправлен Петром I на Урал для развития сталелитейных заводов на реке Исеть. В феврале 1723 года на Урале Де Геннин на основании разработанной им же административной инструкции получает законное разрешение на строительство нового металлургического завода по производству меди и стали, названного именем императрицы Екатерины Первой, а также святой Екатерины — покровительницы горного дела. Завод стал градообразующим Екатеринбург. На строительство, а в дальнейшем и для эксплуатации были привлечены солдаты всех близлежащих частей и гарнизонов, крепостные и вольнонаёмные крестьяне всех окрестных волостей и губерний. Грандиозный размах строительства использовал весь предшествовавший жизненный опыт Де Геннинга. Пуск завода состоялся 18 ноября 1723 года (по новому стилю). Это официальная дата основания Екатеринбурга. Здесь генерал проработал 12 лет. Построил девять новых заводов в том числе Ягошихинский, градообразующий для города Пермь. В 1734 возвращение в Санкт-Петербург. Пожизненный член военной коллегии и начальник оружейных заводов. В 1750 в возрасте 74 лет 12 апреля Де Геннинг умирает.

а ствол остается гнить. Причиной этого, по его мнению, была крестьянская лень. Часть хорошего строевого леса срубалось для ловли белок.

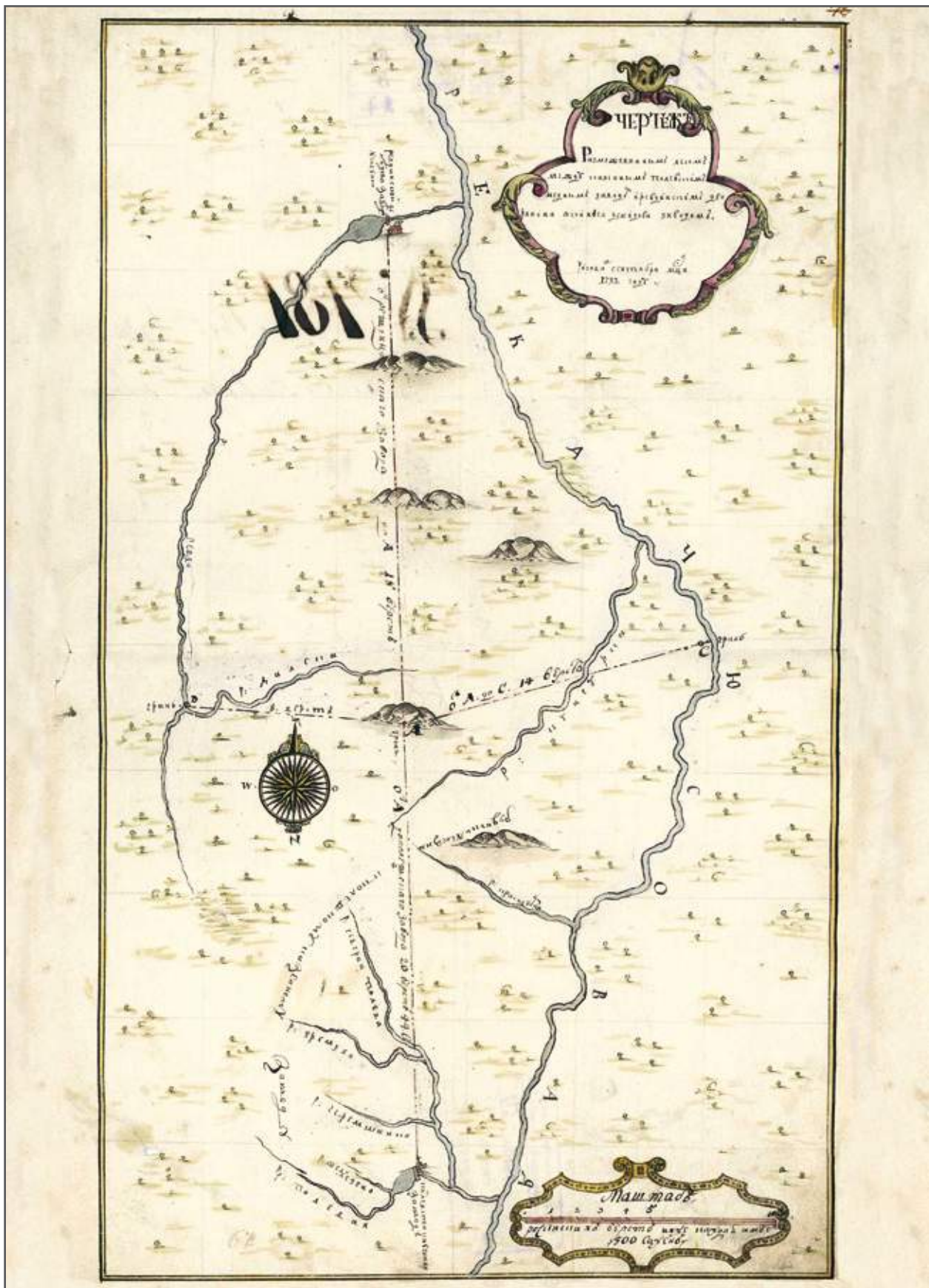
Де Геннин отмечал, что введенная 15-летняя норма, при которой лес должен был вырасти заново, на Урале не работает. Причиной тому был слишком холодный климат. По его мнению, требовался гораздо больший срок в 40–50 лет. Все это, по его мнению, могло привести к кризису, а потом и к возможной остановке производства. Что, в принципе, в дальнейшем и случилось. Развивая тему Татищева, де Геннин определил, что рубка деревьев на угольное жжение должна производиться в начале весны и в середине осени. Так как в это время погода была не такая морозная, и крестьянам, занимавшимся вырубкой, не приходилось разводить костры для собственного обогрева. Деревья предписывалось рубить не ниже пол-аршина, никаких сучьев и веток после себя не оставлять (могло привести к пожару). Определялась территория вокруг завода. Была запрещена самовольная вырубка леса в двадцати верстах от заводов вверх по рекам, по которым к заводам возят дрова. В остальные стороны запрещалось рубить леса от завода в десяти, а от рек в пяти верстах. За самовольную рубку деревьев был назначен штраф, в размере 20 копеек за каждое дерево.

Выступая за рациональное использование леса, горное начальство запретило пользоваться при строительстве тесанными и целыми бревнами. Тем самым стимулировало развитие пильных мельниц, которые находились при заводе. За распил леса была введена оплата, которая поступала напрямую в казну. Крестьянское хозяйство того времени использовало большое количество жердей, которые в основном шли на ограды. В место оград рекомендовали копать ров или использовать щеп. Продвигая эту идею, заводская канцелярия установила плату по 3 копейки за одну жердь. На дрова пускали только валежник и пеньки с заводских лесосек. Запрещалось в заводских лесах драть березовое лыко, за это предусматривался серьезный штраф.

Число надсмотрщиков, по его мнению, было слишком мало, поэтому он предлагал ввести дополнительный штат на каждом крупном заводе. Это было вызвано постоянным ростом промышленности и увеличением потребности в лесе. Для охраны лесов Пермских заводов, он ввел должность форшмейстера. На эту должность был назначен сержант Украинцев. Украинцев набрал к себе в помощь лесных сторожей. В случае неправильной рубки заводского леса, когда оставались слишком высокие пеньки, им было разрешено накладывать на виновного денежный штраф, в размере 10 коп. и бить виновного батогами.

Еще одним нововведением было то, что в случае возникновения лесного пожара, местные жители должны были участвовать в его тушении. Если же кто то пытался уклониться от этого, то на лентя накладывался крупный штраф.

Неясен был вопрос о процессе отведения заводам лесных массивов, которые должны были в полной мере удовлетворить потребности заводского производства. Древесный уголь был в то время единственным топливом для производства металла. Вопрос отвода леса рассматривался в двух вариантах. Первый вариант — это отвод определенной территории, на определенном расстоянии от завода. Второй вариант — саксонская система отвода леса, где фик-

■ Рис 8. Карта лесоотвода Полевскому заводу, 1733 год

■ Рис 9. Горчаков В. Панорама Уктусского завода, 1730 г.

сировалось, сколько леса на заводские нужды было вырублено за год. Потом заводу отводилось 15 годовых мер. В. Н. Татищев выступал за первый вариант. В письме в Берг-коллегию он рекомендовал, чтобы местное население не вырубало стоячий лес в радиусе 15 верст от завода, а использовало поваленный лес. Позже он рекомендовал использовать радиус в 10 верст. Берг-коллегия решила выбрать саксонский вариант. Так как он был более рационален, хотя не идеален. Основные недостатки были в том, что годовые нормы сдерживали развитие предприятия. При увеличении производства увеличивалась и потребность в лесу. Поэтому приходилось залазить в следующие лесосеки. Из-за более сурового климата, лес не успевал восстановиться.

В 1732 году, по просьбе Акинфия Демидова, было проведено межевание Невьянской горнозаводской дачи. Значительная часть леса во владениях Демидова тогда была уже вырублена, а на вырубленных местах лес еще не восстановился. Дополнительное межевание проводилось исходя из правила: нельзя отводить леса ближе 15 верст к казенным пристаням и ближе 20 верст к металлургическому предприятию.

Не доверяя квалификации местных меживщиков и считая, что норма отвода неправильная, де Генин отказался утверждать этот отвод. Объясняя причину отказа, он сообщил, что на Урал уже едет Татищев с опытными меживщиками.

Говоря о де Генине, стоит сказать, что он придерживался комбинированной позиции по отводу лесов для заводских нужд. Он обращал внимания на то, что из-за сурового климата лес не успевает восстановиться, приводя в пример Уктусский завод, в котором

за 30 лет лес не вырос. Де Генин учитывал особенности Урала и выступал за отвод леса заводу, на 60 лет работы, а в случае постройки нового завода, его необходимо было строить на расстоянии 50 верст. Для примера указывался Уктусский завод, где за 30 лет не выросло леса не только на строительство, но и на выжиг угля. Таким образом, он использовал в своих предложениях не только зарубежный опыт, но и подходы, выработанные в России в ходе практики и предложения В. Н. Татищева. Но ничего конкретного в утверждении этой нормы вплоть до окончания своего руководства уральскими горными заводами де Генин сделать не успел.

Следующий шаг попытался сделать В. Н. Татищев, сменивший де Генина на посту управляющего горной промышленностью Урала. Василий Никитич Татищев, будучи вновь назначенным начальником Уральских казенных заводов, столкнувшись с серьезными пробелами в действующем законодательстве, начинает заниматься разработкой нового «Горного Устава».

В 1734 г. на Урале проходило совещание горнозаводских промышленников. Инициатором этого совещания был В. Н. Татищев. На нем обсуждался проект «Горного Устава». Вторая глава документа называлась «Об отводе мест». В главе было 32 статьи, особое мнение по 10 статьям дали приказчики Осокина, Строганова и Турчанова. Большинство промышленников, подписавших «Мнение общее», требовали увеличения нормы отводимых земельных участков, предусмотренной Берг-привилегией 1719 г., и установления умеренной ренты за пользование лесом, в то время как Строгановы настаивали

■ Рис 10. Межевицики. Рисунок с карты земель Полевского завода, 1735 год

на сохранении старых норм и уплаты весьма высокой ренты в пользу землевладельца. В Берг-привилегии была единая, унифицированная норма отвода земли под строительство завода, а в Горном уставе требовалось учитывать размеры предприятия и, исходя из этого отводилась земля. Хотя Анна Иоанновна не утвердила Горный устав, разработанные в нем правила стали использоваться на практике руководителями заводской администрации на протяжении всего XVIII века.

Следующим важным законом в горнозаводской промышленности стал Берг-регламент. Рассматривать его подробно нет смысла. Стоит только обратить внимание на один момент. В отличие от Берг-привилегии, Берг-регламент разрешал отвод большей площади земли исходя из нужд завода. Решать вопрос о размере отвода должны были местные горнозаводские власти, которые были лучше знакомы с ситуацией в регионе.

В ходе совещания с горнопромышленниками, Татищев поставил вопрос не только об отведении территории под рудники и заводы, но и о пространстве лесов, необходимых для заводского производства. Он предлагал определить к заводам леса, не менее чем на 80-летний срок. Однако, эти предложения не были утверждены правительством, и после них норма, установленная Вальдмейстерской инструкцией, неоднократно повторялась в указах и использовалась в горном управлении.

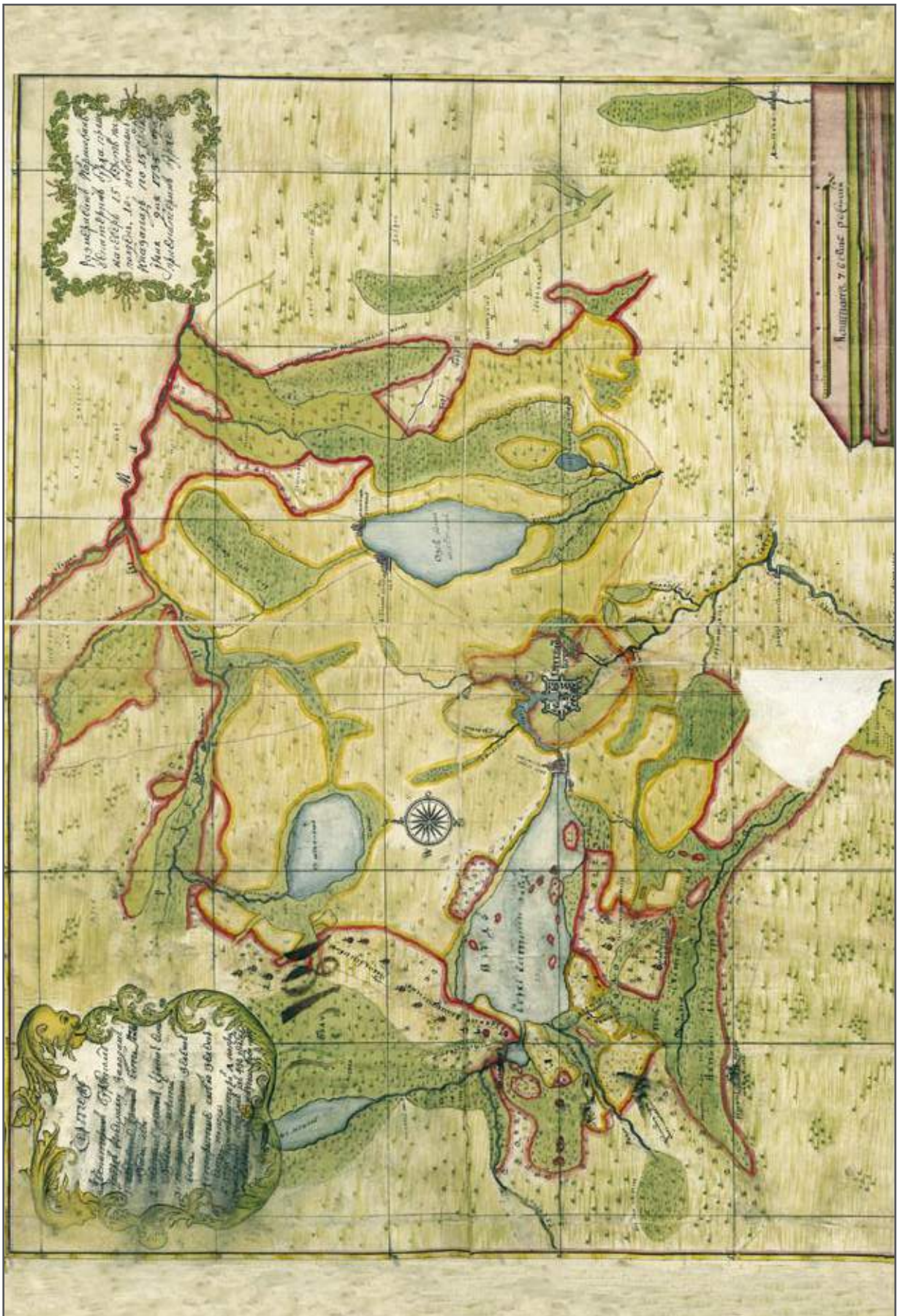
Изданный в 1739 году Берг-регламент практически не решил данного вопроса. Он еще раз подтвердил норму отвода под рудники, установленную Берг-привилегией. Одновременно он признал недостаточ-

ность размера такого отвода для строительства самих предприятий. В Берг-регламенте лишь рекомендовалось отводить к строящемуся предприятию земли столько, сколько будет необходимо для размещения всех построек. Идя на уступки горнопромышленникам, правительство в этом законодательном акте дало право горнозаводскому управлению на местах самостоятельно рассматривать просьбы заводчиков об отводе к заводам земель и лесов и выносить соответствующие решения.

В Берг-регламенте было положение, которое меняло отношения правительства к приватизации казенных заводов и их владений частными лицами. Вопрос отведения территории частным лицам выходит на первый план и приобретает краеугольный смысл в металлургическом производстве. В столице и на местах власть признает, что нормы земельных отводов, прописанных в законе, не соответствуют действительности. Поэтому, когда Таборинский завод передали Твердышеву, провели дополнительные межевания. По этому межеванию завод получил 500 десятин земли, и еще 100 отвели для заводских сел. Лесная дача завода была рассчитана на 50 лет. Хотя даже такая цифра не удовлетворяло нужды заводов. Так, например, в Лесных Дачах Алапаевского, Каменского и Уткинского завода, леса катастрофически не хватало. Оказалось, что за 50 лет лес на этих дачах не вырос. Поэтому проводились дополнительные лесные отводы. Хотя были и обратные случаи. Например, при передаче Гороблагодатских заводов в частные руки, Главная канцелярия сочла заводскую дачу слишком обильной и уменьшила ее размер.

■ Рис. 11. Горчаков В. Пичин-чертжеж завода Царевны Елизаветы, 1730 год

■ Рис 12. Карта Екатеринбурга и окрестностей с местами курений и вырубкой лесов, 1735 год (из фондов музея города Екатеринбурга)

ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ ТАТИЩЕВ
(1686–1750)

Родился в знатной дворянской семье в Пскове. Участвовал во взятии Нарвы, в Полтавской битве, Прутском походе Петра I против турок. Изучал фортификационное и артиллерийское дело, оптику, геометрию и геологию в Германии. В 1720 году был послан на Урал для организации горнозаводской промышленности. С именами Татищева и генерал-майора В.И.Генина связано основание Екатеринбурга и Ягошихинского завода, положившего начало городу Перми. В 1724–1726 годах находился в Швеции, где надзирал за обучением русских юношей горному делу и изучал экономику и финансы. С 1727 по 1733 годы глава Монетной конторы, занимавшейся чеканкой золотых, серебряных и медных денег.

Выступал за введение в России десятичной системы мер и весов, за упорядочение денежного обращения, увеличение доходов казны путем развития промышленности, внешней торговли, роста экспорта, а не чрезмерной эксплуатации монетной регалии. В 1734–1737 годах вторично был направлен руководить металлургической промышленностью Урала, затеял строительство новых железоделательных и медеплавильных заводов, поставив цель увеличить производство железа на одну треть.

Конфликт со ставленниками Бирона и недовольство местных влиятельных лиц, использовавших отдельные злоупотребления властью со стороны Татищева, привели к его отзову, а затем отдаче под суд. В последние годы жизни Татищев был начальником Оренбургской и Калмыцкой комиссий, астраханским губернатором. В 1745 году из-за выявленных ревизией финансовых нарушений по прежней работе он был отстранен от должности губернатора и сослан в свое имение — сельцо Болдино Дмитровского уезда Московской губернии, где умер 15 июля 1750 года.

ЛЕСНЫЕ ДАЧИ УРАЛА

Спецификой Урала было то, что частные предприятия находились по соседству с казенными, и это приводило к различным злоупотреблениям, в том числе и к связанным с эксплуатацией лесов. Неоднократно горному начальству пришлось сталкиваться не только с захватом заводских территорий частными предпринимателями, что на Урале первой половины XVIII века было обыденным явлением, из-за общей неразмежеванности земли, но и с продажей окрестными жителями леса, растущего на государственной земле, частным заводчикам. Особенно поднаторели на таких нарушениях наиболее богатые заводовладельцы Урала — Демидовы. В делах Берг-коллегии было немало материала по таким правонарушениям и попыткам горного начальства их пресечь. Для примера, 28 июня 1735 года, в рапорте обергмайстера Клеопина говорилось, что крестьяне дерут бересту и сдают ее Демидовым на заводы, отчего деревья засыхают и гибнут и на заводское производство становятся негодными. На это пришлось выработать специальное определение канцелярии, в котором предписывалось не только усилить охрану лесов, но и запретить Демидову покупать у крестьян древесину. Заводчику было приказано использовать только леса, приписанные к его заводам.

Лесные отводы получили широкое распространение в 50–70-е годы XVIII в. Так, например, в 1754–1755 гг. были отведены леса к Кушвинскому, Баранчинскому, Серебрянскому, Туринскому заводам. В 1759 г. был проведен дополнительный отвод к Серебрянскому заводу, а в 1760 г. — к Серебрянскому и Илимскому пильному заводам. Дополнительные отводы к Гороблагодатским заводам осуществлялись и в 1765–1788 гг. Причем из числа этих площадей были сделаны отводы к некоторым посессионным и владельческим заводам. К Висимскому заводу леса приграничили в 1761 г., а к Юговеким, Аннинскому, Мотовилихинскому и Ягошихинскому — в 1765 г.

Леса должны были служить топливной базой данных предприятий и отводились, как правило, на 60–80 лет, с расчетом на то, что за этот срок на вырубленных ранее участках леса вырастут вновь. Если первоначальный отвод земель проводился с целью снабжения заводов рудой и топливом, то со временем эти земельные и лесные площади стали собственностью заводов. При строительстве новых заводов вставал вопрос о разграничении лесных дач соседних заводов во избежание споров, недоразумений между заводовладельцами, так как уже со второй поины XVIII в. вокруг некоторых заводов леса были вырублены на большие расстояния.

Между тем, первоначальные отводы страдали неточностью, а последующая проверка их границ проводилась неудовлетворительно. Так, например, в 80-х годах было проведено межевание лесных дач ряда казенных заводов: Гороблагодатских (в 1780–1781 гг.), Екатеринбургского (в 1781 г.), Юговских и Аннинского (в 1781 г. Ижевского и Боткинское (в 1782 г.). По данным этого межевания предполагалось, что лесов должно хватить: Кушвинскому заводу на 227 лет, Баранчинскому — на 182, Серебрянскому — на 112 лет и Туринским — на 586. Несостоятельность этих данных вскрылась уже через 20 лет. Оказалось, что Кушвинскому заводу лесов хватит только на 100 лет, а об остальных заводах сообщалось в документах

весьма неопределенно. Так, для Серебрянского — «за окончанием сочинения плана утвердительно сказать неможно полагается на 150 лет», для Баранчинского — неизвестно Верхне-Туринский завод — «довольствуется отведенными к Кушвинскому заводу», для Нижне-Туринского — «на сколько впредь стать за неокончанием описания неизвестно».

Неясной была картина и по другим казенным заводам Урала. Только по некоторым из них имелись приблизительные данные о количестве лесов на будущие времена: Богословские заводы на 1789 г. имели «дровяного и строевого леса 33 357 дес. 1868 сажень», Екатеринбургский завод имел лесов в 1781 г. на 42 года, Мотовилихинский в 1769 г. на 76 лет, Юговские — в 1781 г. на 73 года, Камско-Воткские — в 1769 г. на 100 лет, Пыскорский — в 1761 г. на 63 года. Можно считать, что и эти данные соответствовали действительности, так как согласно официальным источникам, земли Пермской губернии фактически и в 1797 г. все еще не были размежеваны, а это значит, что и лесные пространства не могли быть точно учтены. Лишь в 1798 г., по поручению Берг-коллегии, заводские управления стали производить съемки местностей для составления карт уральских заводов, приисков, рудников, лесов.

Для осмотра и описи казенных лесов на Урал были командированы флотские офицеры, проводившие описание лесов в 1797 и 1805 гг.

П. Томилов, давая описание казенных заводов на 1807–1809 гг. и используя собранные офицерами материалы, сообщал:

Полевской завод: леса к этому заводу были отведены в 1754 г. горным правлением из пусторожных земель. Лесами пользуются в Сообществе с Северским заводом. По описанию на 1804 г. — площадь 135 504 десятин, из них годных лесов — 55 640 десятин, а вырублена и покрыта молодой порослью не меньше 1 624. Лесов хватит на 37 лет, а с молодым лесом на 45 лет.

Нижнеисетский завод: леса отведены по указу Берг-коллегии в 1752 г., по описанию, учиненному в 1803 г. Годных — 81 561 десятин, вырубленного пространства — 16 999 десятин, хватит на 50 лет.

Бисертский завод: Берг-Коллегия, по указу от 1763 и 1781 г. отводила леса заводу. Около завода обрублено от 10 до 12 верст. По описанию, учиненному в 1805 г. значится площадь — 88744 верст, годных лесов — 51 029, на вырубленном пространстве площадь 5300 десятин, растет молодая поросль. Лесов хватит на 59 лет.

В большинстве случаев он сообщал: «неизвестно», «не окончено межевание». Из этого же источника видно, что в начале XIX в., в большинстве случаев, близлежащие дачи были уже вырублены и курени отстояли от заводов на расстоянии от 6 до 24 верст. Для лесопильных мельниц лес доставлялся за 3–70 верст.

Межевание заводских владений на рубеже XVIII–XIX вв., проводимое офицерами, шло параллельно с реорганизацией всего центрального и местного горнозаводского управления. В начале XIX в. вся горнозаводская промышленность подчинялась созданному при министерстве финансов Горному департаменту, а на местах были учреждены должности горных начальников, подчиняющихся Горному правлению. Управляя технической и хозяйственной частью, горные начальники были, фактически, полновластными хозяевами заводов. Одновременно шла организация управления лесами, как неотъемлемой принадлежностью заводов.

■ Рис 13. Офицеры топографы, сер. XIX века

Поземельные распри, захват чужих земель и лесов, скупка лесов у башкир путем обмана имели место и в XIX в. Правительство прежнему было вынуждено разбирать земельные споры, создать многочисленную комиссию по разбору жалоб на «неправильное завладение». Для разрешения споров на места посылались землемеры и межевщики, использовались также и маркшейдеры, привлекались местные жители.

Так, только в дачах Гороблагодатских заводов проводились межевые и проверочные работы в 1815–1817, 1818, 1820–1821, 1831, 1833, 1835, 1843–1846, 1851, 1854, 1857 гг. В результате многочисленных отводов, проверок и перепроверок границ лесных дач, Гороблагодатские заводы имели в первой половине XIX в. спорные участки с Кыновским заводом графа Строганова, Бисертским графини Бутеро, с государственными крестьянами Пермского, Кунгурского и Верхотурского уездов, с крестьянами Голицыных, Бутеро, Строгановых, Демидовых. В результате, к середине XIX в. возникло положение, при котором, как указывал лесничий Мальгин, по «прошествии столетнего существования Гороблагодатские заводы не имеют еще настоящих определенных границ».

Не лучше обстояло дело и в других округах. Юговские заводы имели спорные леса с крестьянами сел Голицыных, Бутеро, с государственными крестьянами и с башкирами. В Висимской даче имелись леса, оспариваемые крестьянами графини Строгановой, Нижне-Исетский завод Екатеринбургского горного округа претендовал на части лесных дач Верх-Исетского и Сысертских заводов, Богословские заводы вели долгие споры со Строгановыми из-за огромной Вагранской дачи, которая была позже передана в ведомство Государственных имуществ. Спорили о землях и лесах с государственными и удельными крестьянами Осинского и Оханского уездов и Камско-Воткинские заводы.

Естественно, что такое положение дел отрицательно сказывалось на состоянии лесных дач и, в конечном итоге, на топливной базе казенных горных за-

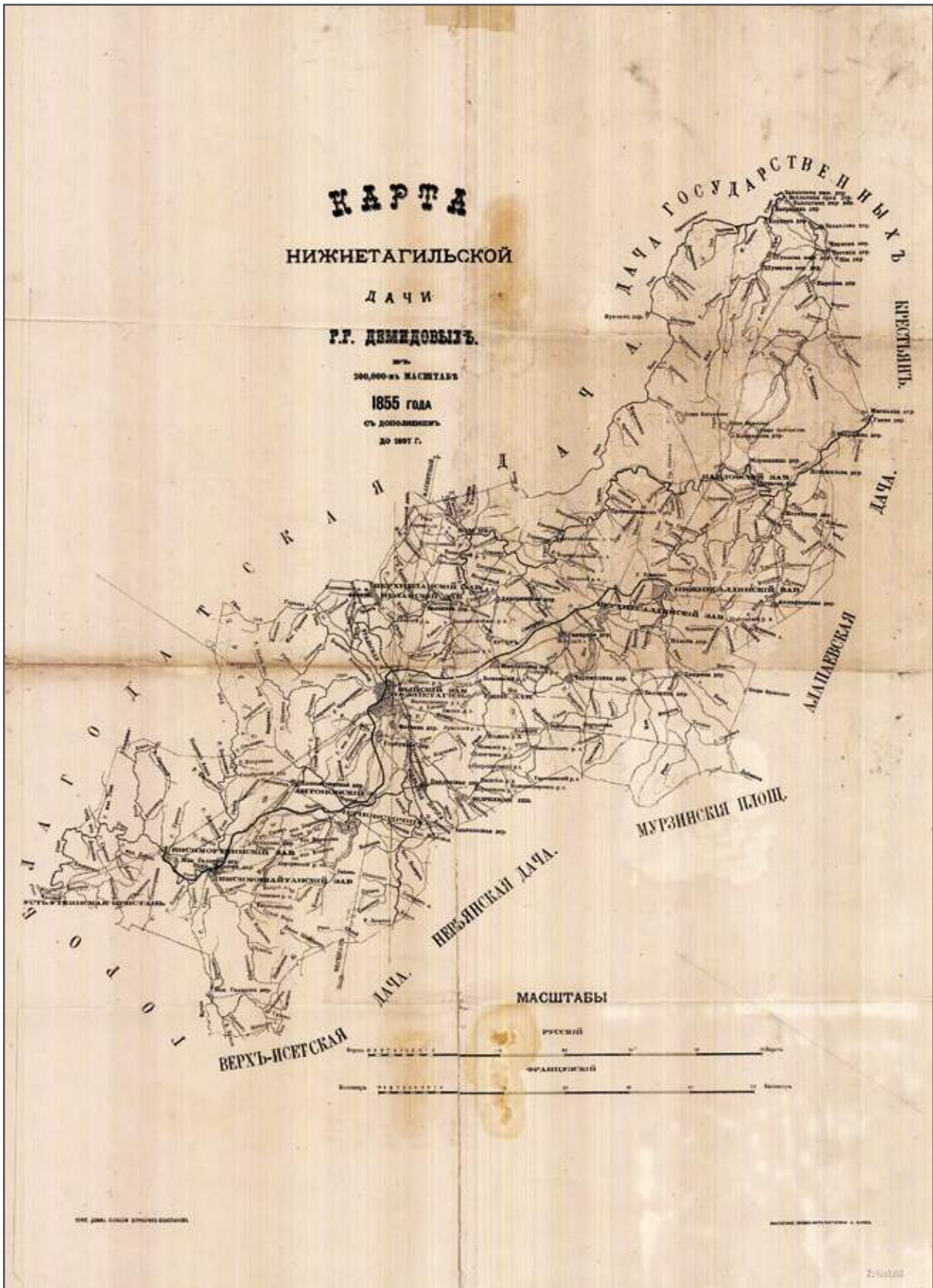
■ Рис 14. Карта расположения Чусовских заводов

водов. Интересы непрерывного обеспечения топливом требовали налаживания рационального ведения лесного хозяйства. Прежде всего, необходимо было уточнить границы лесных массивов, их размеры, разделить леса на кварталы, определить возможные нормы потребления древесины и прирост леса с тем, чтобы урегулировать снабжение заводов древесным сырьем и покончить с непрерывными спорами и конфликтами между лесовладельцами. В этом было заинтересовано прежде всего правительство.

С 1824 г. началось генеральное межевание Пермской губернии. Работа по межеванию уральских горнозаводских дач оживилась после издания в 1830 г. «Инструкции об управлении лесною частью на горных заводах хребта Уральского по правилам лесной науки и доброго хозяйства», составленной министром финансов графом Канкриним. Согласно этой «Инструкции», в казенных заводских дачах необходимо было, прежде всего, провести окружное межевание, топографическое и статистическое описание лесов, сделать их оценку или таксацию. Следующим этапом работы должно было стать состав-

ление карт с подробными приложениями и затем — составление планов лесного хозяйства. На выполнение всех лесоустроительных работ инструкцией отводилось 4–6 лет. Возглавлять лесоустроительные работы было поручено главному лесничему уральских заводов И. И. Шульцу. Были созданы специальные партии, но, как выяснилось позже, члены их не имели понятия ни о предстоящей работе, ни об инструментах, с которыми нужно было работать. Однако и в таких условиях работы все же проводились. В 1832 г. Шульц потребовал с мест сведения о том, что сделано по выполнению инструкции: приведены ли леса в известность, сделана ли им таксировка, составлены ли карты и планы. Главного лесничего интересовало также, как проводится рубка лесных припасов, сколько в год расходуется леса, сколько ежегодно поступает лесного дохода, где и на каком пространстве проводилась сплошная рубка, какой участок района выделен под посадку и посев леса, сколько имеется лесной стражи.

Анализ полученных ответов показал, что инструкция выполнялась не всеми лесоустроителями.

■ Рис 15. Карта Нижне-Тагильской дачи Г. Г. Демидова, 1855 год (составлена французскими топографами)

■ Рис 16. Печатки угольные. Верхнетагильский завод. XIX век. Медь, штамповка.

При Миасском заводе не делили лес на кварталы, в Юговских заводах описание лесов производилось одними чертежниками, без лесных чиновников, которых не хватало всем заводам. Не хватало людей для выполнения необходимых работ и в Богословских заводах. К тому же окружной лесничий последний давал ложные сведения о якобы проводимом описании лесов. В действительности же он не мог показать Шульцу, прибывшему для проверки работ, ни одного квартала.

Анализ лесоописательных работ 1833–1834 гг. свидетельствует о несоответствии действительности и отчетных данных. Так, например, количество лесных кварталов, показанных по старым планам, совпадает только по Екатеринбургскому, Гороблагодатскому и Богословскому округам.

Работы по окружному межеванию и статистическому описанию дач казенных заводов продолжались и в последующие годы. В 1838 г. главному управлению Уральских заводов разрешалось иметь 8 горных землемеров, 10 горных межевщиков, главного лесничего и его помощника. Все эти лица и осуществляли межевание. В рапорте на имя главного начальника, в декабре 1839 г., Шульц доносил, что при рассмотрении планов статических описаний лесных округов Пермских заводов выяснилось: работы там приостановлены еще в 1835 г. и не продолжаются; в планах Богословских и Камско-Воткинского заводов обнаружилось существенные несоответствия с программой описания.

В начале 40-х годов не было плана лесного хозяйства по Екатеринбургскому округу, о чем писали лесничие екатеринбургских дистанций. Окружное начальство объяснило отсутствие планов, тем что «для составления правильного плана лесного хозяйства необходимо иметь, во-первых, чтобы кварталы были явственны, отделены в натуре просеками и имели правильную нумерацию с планами...», т. е. фактически признавали несовершенство лесостроительных работ, проведенных в 1830—1834 гг.

С 1843 по 1852 гг. проводились дополнительные работы по проектировке межевых границ, по съемке и описанию лесов Пермской губернии с указанием спорных земель. Однако, итоги этих работ не отвечали требованиям. Для выправления дел были приглашены французские инженеры-топографы.

Для них уральским горным начальством была составлена «Инструкция для составления топографических, лесных и географических карт округам

казенных горных заводов на Урале». Согласно этой инструкции, земли всех шести казенных округов делились на 11 участков: Боткинский, Пермский, Артинский, Уткинский, Николо-Павдинский, Богословский, Златоустовский, Висимский, Пыскорский, Екатеринбургский, Кушвинский. Очень хороший план был составлен 1855 г. по Н. Тагильской Лесной дачи Демидовых.

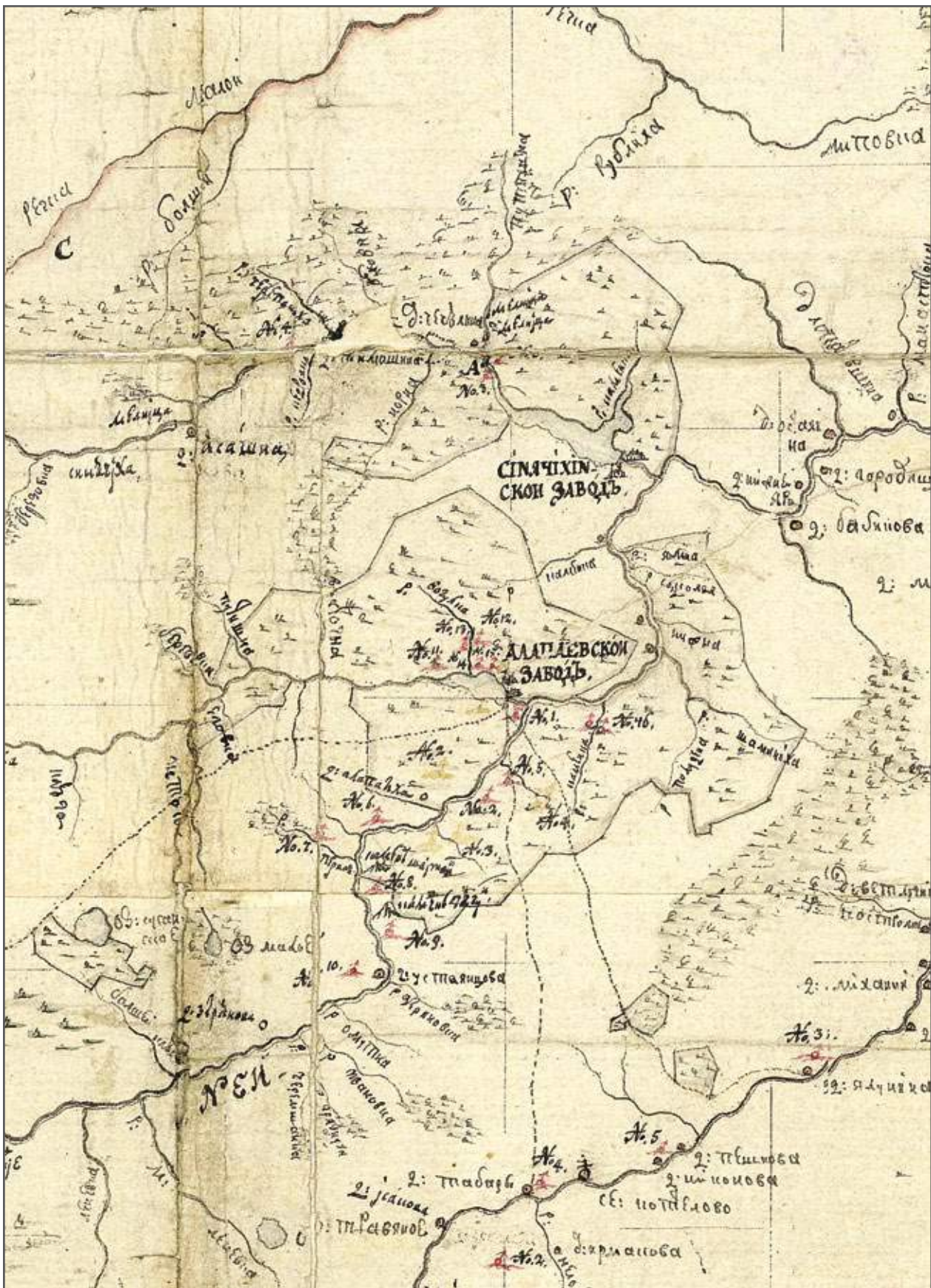
В распоряжении топографов находилось 130 рабочих и 20 съемщиков. В инструкции оговаривалось, что в течение 7 лет, на которые был заключен контракт, французские топографы должны подготовить из числа съемщиков не менее шести человек для самостоятельных работ.

Топографы обязаны были произвести и учет «количества сгораемых материалов, произрастающих в каждой отдельной даче, или участке», но они с этой задачей не справились, и в 1858 г. работы снова были приостановлены.

В 60-е годы XIX в. на Урале находился академик Безобразов, цель поездки которого состояла в том, чтобы оценить деятельность уральских заводов. Особое внимание он уделял топливной базе заводов. Сведения о лесных горнозаводских дачах он собирал из разных источников. Частично из архивов, большую же часть сведений он почерпнул из донесений лесничих.

Лесная дача Гороблагодатского округа была очень велика, свыше 856 395 тыс. десятин земли или до 8 300 квадратных верст. Площадь, занятая лесами, составляла до 762 788 кв. десятин. Не смотря на это изобилие лесов, распределение их между заводами было неравномерно и уходило далеко на север. Вся лесная дача Гороблагодатского округа была разделена на 6 лесничеств или отдельных дач по числу заводов и пристаней в этом округе. Но картографический материал не соответствовал действительному положению дел. Так, где были отмечены густые леса, на деле выяснялось, что они были либо вырублены, либо выгорели из-за постоянных пожаров. А там где на плане были нанесены вырубки, леса уже давно восстановились.

Часть лесов Гороблагодатского округа находилась в спорной части между заводоладельцами, это около 91 000 десятин земли в западной части округа. Небрежное отношение к лесам, как со стороны местных жителей, так и со стороны золотопромышленников, наносило колоссальный вред лесной даче. Так называемая лесная стража была не в силах, что-либо изменить. Их штат составлял 32 пеших лесничих

■ Рис 17. План лесных дач Алапаевского и Синячихинского заводов, 2-я пол. XVIII века

и 8 конных. Участок пешего лесничества составлял от 200 до 300 кв. верст, а конного до 1 036 версты. Но все же, даже в самых худшем случае, курения и места рубок леса находились на расстоянии 13 верст от завода.

В лесной даче Серебрянского завода на реке Чусовой было более 200 000 десятин земли, что вдвое превосходило по ежегодному приросту потребностей заводского производства. Дача Верхнетуринаского завода находилась в удручающем состоянии. Самовольные вырубki и частые лесные пожары очень сильно повредили лесное хозяйство. В Нижнетуринаском заводе напротив, лесная дача была весьма обширна. При разработке проекта продажи завода в 1867 г. предполагалось для заводского производства отдать только Юго-Западную часть заводской дачи, что примерно составило от 40 до 50 тысяч десятин земли. Этого с избытком хватило бы для заводского производства. Все эти три завода (Серебрянский, Вехне-Туринаский и Нижнетуринаский завод) входили в состав Гороблагодаского округа.

В Государственном архиве Свердловской области (ф. 59 оп 15) есть интересный документ: это рапорт заводского межевания селений, об описании лесов Уткинской казенной пристани, Каменского железодельного завода, составленный титулярным советником Михайловым. Правда составлен он на 70 лет раньше донесений Безобразова. Согласно ему:

На заводские надобности уходило 11 283 десятины 700 саженей. По сложному счету причиталось по 6 деревьев на десятину всего елового, пихтового соснового леса. По 4 дерева на десятину строевого леса. Всего 36 024 десятины 100 саженей или 144 096 деревьев, что на 55 лет в год тратилось 3848 деревьев. Алапаевский завод ежегодно тратил 13 200 коробов, из-за ограниченности возможности на рубку шла молодая поросль, всего лесов отведенных к заводу должно было хватить на 28 лет. Каменский завод употреблял без малого 13 000 коробов. Из каждой кучи еловых дров 20 саженей выходило 45 короба угля, а березовых 52 короба. Лесная дача Каменского завода составляла 238 8230 десятин 1 556 саженей. Леса заводу должно было хватить на 92 года.

Лесная дача Алапаевского округа после отмены крепостного права, понесла серьезные земельные потери. Дело в том, что 19 416 ревизских душ, получили от владельцев до 284 580 десятин земли, сверх того временно-обязанному населению было выдано около 40 000 десятин земли.

Таким образом, Алапаевская посессионная дача уменьшилась с 789 000 десятин земли до 465 000 десятин. Вследствие отрезки лесов для нужды государственных крестьян предполагалось закрыть один завод — Ирбитский железодельный.

Расстройство лесов составляло один из основных недостатков Алапаевского горного округа, что явилось результатом беспорядочного лесного хозяйства и самовольных вырубок, производимых местным населением, даже несмотря на кажущееся до этого обилие лесного массива.

Расстояние рубок от заводов сделалось таким великим, что в 1868 г. заготовка угля для заводов производилась на расстоянии до 50–70 верст от завода, а заготовка дров на заводские нужды — до 30 верст. Одна перевозка дров в 1867 г обошлась в 5–6 рублей за куренную сажень, и вследствие затрудненной перевозки 2 000 заготовленных саженей так и не были вывезены из лесу.

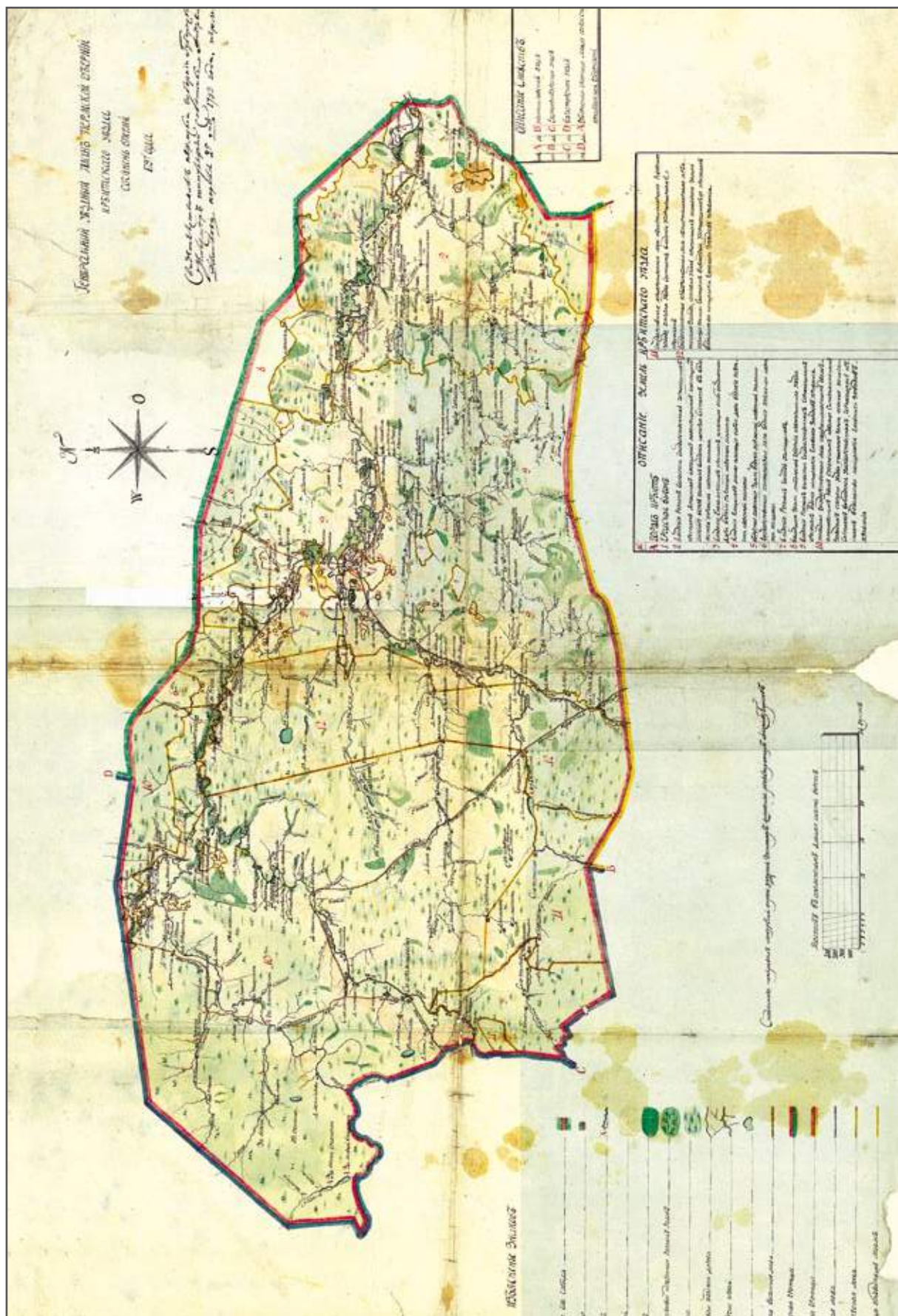
Лесная дача Екатеринбургского округа.

Екатеринбургский округ долгое время испытывал острый недостаток леса, требуемого для заводского производства. Через сам округ проходило огромное количество разных дорог. Среди них 5 главных трактов. Множество проезжающих по дорогам разводили огни на ночь, что очень часто приводило к крупным пожарам. А во время зимней заготовки леса, число людей занятых на этом деле, достигало до 10 тыс. человек, что тоже приводило к лесным пожарам. Как-то в одну из таких зим выгорело до 60 тыс. десятин лесного пространства. Во время обязательных заготовок леса для горных заводов крестьяне зачастую вырубали близлежащие леса, а дальний валежник оставался не тронутым.

Лесная дача Нижнеисетского завода включала до 80 000 десятин всякого леса, причем не самого лучшего. Ежегодно из ее пределов отпускалось около 46–48 тыс. куб. саженей дров. Исходя из размеров дачи при 60 летнем обороте дровяного леса и 80 летнем обороте строевого леса, можно было отпускать без урона для лесной дачи, не больше 20 000 куб. саженей. По факту вырубка леса в Нижнеисетской даче более чем вдвое превосходила ее естественные силы. Причем на заводские потребности леса требовалось очень малая часть. Для производства металла на Нижнеисетском заводе в 1867 г., достаточно было от 5 до 6 тыс. куб. саженей в год. Весь остальной лес шел на удовлетворение потребностей местного населения разных сословий, имеющих право пользоваться лесом. Казенный лес получали жители Екатеринбурга, частные фабричные заведения города, соседние крестьяне (до 5 000 душ), Нижнеисетское горнозаводское население (до 9 000 душ). В приделах лесной дачи Нижнеисетского завода на 1869 г. насчитывалось около 32000 дес. молодого леса, 21 000 дес. горелого леса (требующего для своего созревания лет 40). Лесные курени находились от 25–30 верст до Нижнеисетского завода.

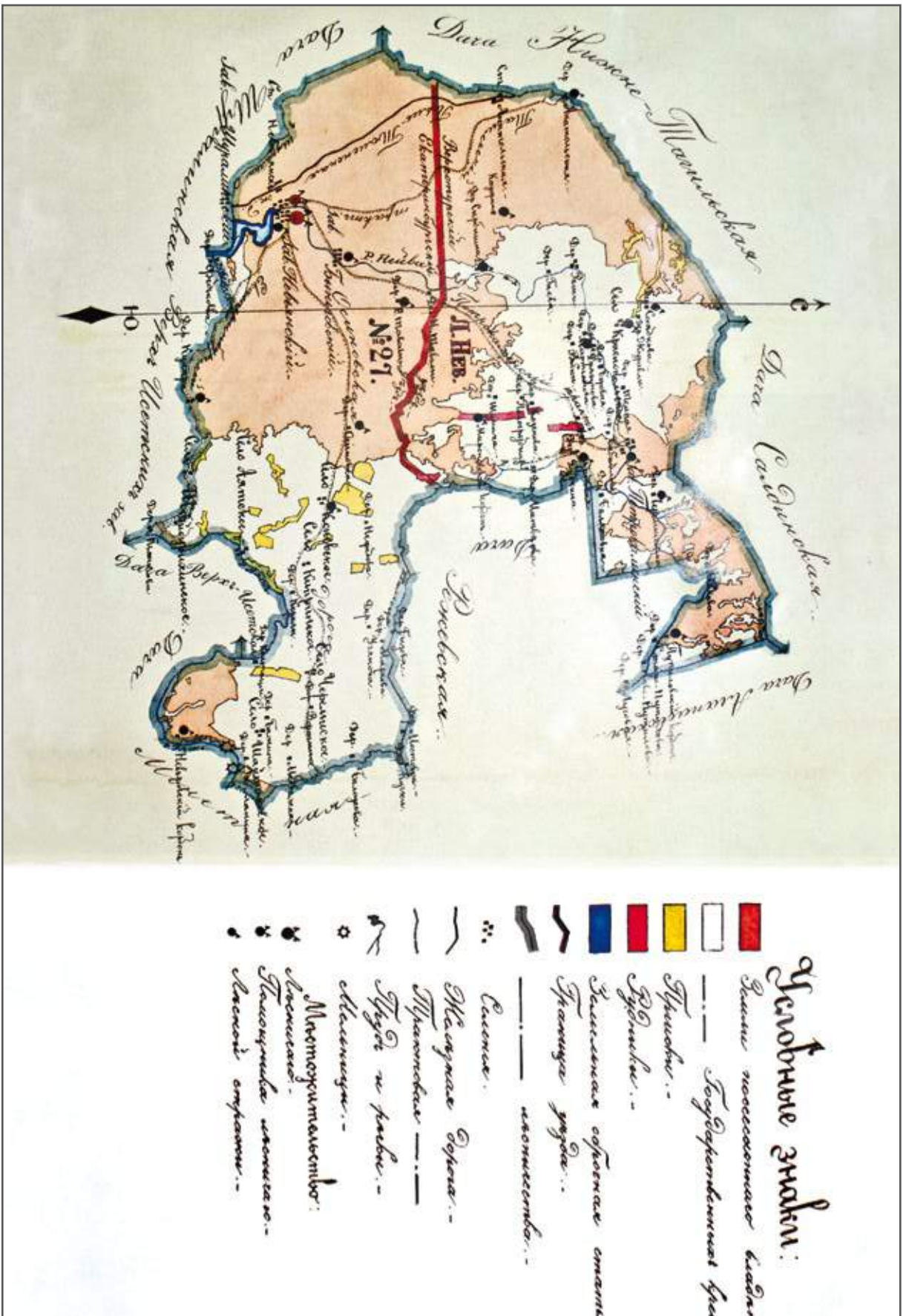
Лесная дача Камского завода — одна из самых разоренных дач Урала. Территория этой лесной дачи к середине XIX в. стала почти безлесной. Подлесная площадь Каменской дачи составляет 19 5000 дес. земли. Леса не поврежденные пожарами и без вырубок, составляют около 20 000 дес. земли. 60 тыс. десятин отведены под молодой лес. 30 тыс. десятин повреждены пожарами и порубкой. Около 85 тыс. полностью уничтожены пожарами. Курени расположены на расстоянии от 60–90 верст до завода. Понятно, что доставка угля увеличивает себестоимость произведенной продукции. Стоимость одного короба в 1862 г. составила 2,5 рубля. Главный лесничий уральских заводов Шульц считал, что леса для завода может хватить только на 10–12 лет. К даче Каменского завода было приписано 9 волостей государственных крестьян и 7 волостей горнозаводских людей, всего до 130 тыс. человек. Спасти положение могло только прирезка леса от дачи екатеринбургского монетного двора.

Дача Екатеринбургского монетного двора — одна из самых богатых лесных дач на Урале. Лесные нужды Екатеринбургского монетного двора относительно не высоки, где-то 9 000 куб. саженей дров ежегодно. Но стоит отметить, что монетный двор постоянно увеличивал производство. В 1857 г. он чеканил около 500 тыс. рублей, а по прошествии десяти лет чеканка монет составила уже 2 миллиона рублей. Так же возросла и стоимость доставки угля на монетный завод. С 1850 г. до 1866 г. стоимость одного короба увеличилась с 76 коп. до 2 руб. 37 коп.

■ Рис 18. Карта Ирбитского уезда с частью Алапаевской дачи, 1797 год

Рис 19. Лесная дача Невьянского завода, начало XX века

БАШКИРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ УРАЛА

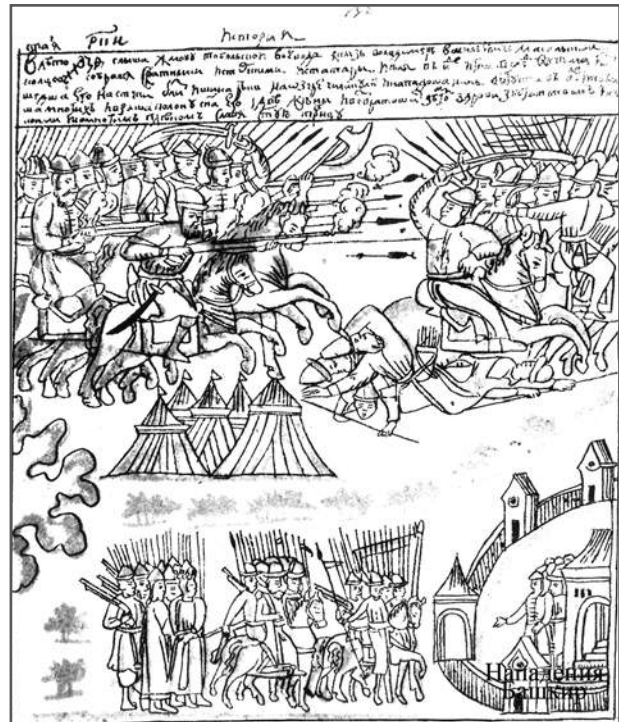
Начиная с XVIII века число русских на Урале стремительно увеличивается. Процесс крестьянского освоения изначально проходил с севера на юг, через Поморье, северный Урал и далее. Понятно, что до русских на Урале люди уже жили. Если на севере проживали вогулы и остяки, при относительно низкой плотности населения, основным занятием которых было охота, то земли среднего Урала входили в зону влияния башкирских кочевников. Не трудно догадаться, что контакты с русскими колонистами не всегда заканчивались мирно. Причиной этого конфликта была земля.

Со взятием Казани и разгромом Сибирского ханства, башкиры, в 80-90 годах XVI века, приняли русское подданство и обязались платить ясак. Русское государство, принимая в свое подданство новый народ с территорией его обитания, возлагало на себя заботу о новом народе. Так как башкиры приняли русское подданство добровольно, московское правительство обязывалось сохранять их наследственное право на занимаемые ими земли. Дело в том, что Московские государи имели весьма смутные представления о количестве земли, которое они получили и какую часть из этой территории населяли башкиры.

Описание всех земель, лесов и пашен заносилось писцами в книги, которые назывались писцовыми. В 1597 году были составлены первые писцовые книги, следующие — в 1607 году, но в 1612 году они все погибли во время Московского пожара.

Башкиры вели кочевой и полукочевой образ жизни, плотность населения была не велика. А огромные массы нетронутого чернозема казались русским крестьянам манной небесной. Понять, какие же земли принадлежат башкирам, а какие являлись пусторожними (ничьими) было трудно. Во многом это была вина того времени. Межевание земли тогда несколько отличалось от сегодняшнего. Оно проходило путем переписи душ и описи хозяйства. Границы дач проводились в результате опроса старожилов, а заключение о количестве земли определялось по четвертям высеваемой ржи, луга мерились копнами сена, а леса измерялись приблизительно, со слов тех же старожилов. Поэтому не редко у земли было несколько хозяев. В Сборном Уложении 1649 года присутствовал ряд статей защищающих земли ясачных инородцев от захвата русскими поселенцами. Закон запрещал самовольный захват земли, получение участков через закладывания и покупку, не указывая имени владельца земли у которого ее купили («... бояром, околичим, и думным людям, и стольникам, и стряпчим и дворяном московским и из городов дворяном и детям боярским и всяких чинов русским людям поместным всяких земель не покупать и не менять и в заклад, и сдачею и в наём на многие годы не иметь»).

Так же во второй половине XVIII века вышел ряд указов и постановлений касательно размежевания земель между русскими и инородцами, в которых правительство продолжало защищать земли коренных народов. Это писцовые наказы 1683 и 1684 годов. А в 1685 году был издан указ о размежевании земли, леса и бортных угодий Мордвы, Черемис

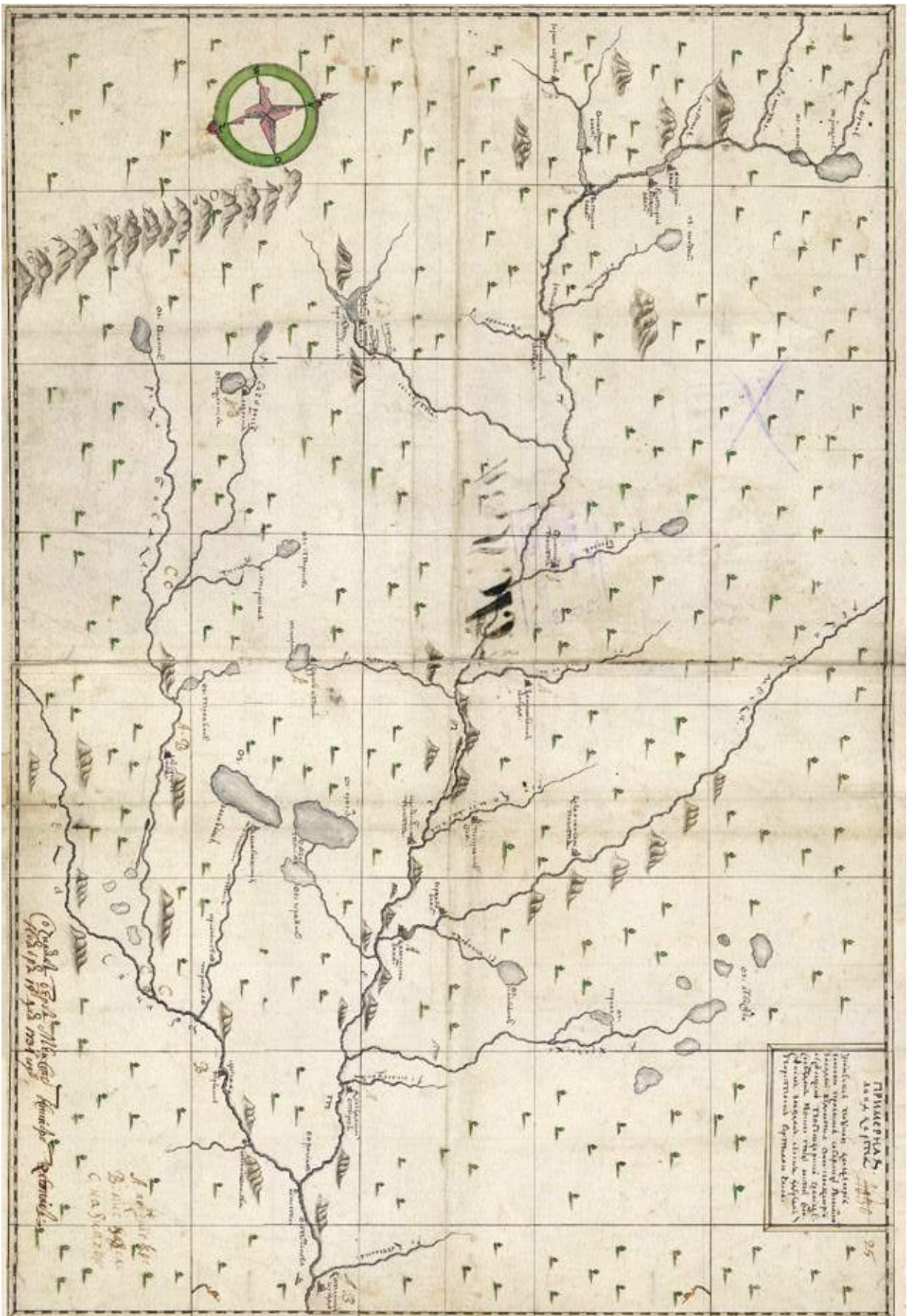
■ Рис 20. Сражение с кочевниками сибирских служилых людей и возвращение их в русский острог, рисунок кон. XVII—XVIII вв.

и Чувашей. Особо оговаривалось, что рыбные, бобровые и бортные промыслы следовало оставить за местным населением. При чем правительство брало на себя охрану бортных лесов. Так же уточнялось, что размежевание земли между русскими и местными должно было проводиться теми же инструментами и мерами. А все излишние земли, которые не вошли в русские поместья в обязательном порядке отписывались коренному населению. Между землями русских помещиков и местных вотчинников, в качестве межи, рылись ямы, делались засеки. Тем самым, правительство Алексея Михайловича смогло защитить ясачные земли от незаконного захвата русских мигрантов.

С башкирами подобный подход не мог сработать. Во первых башкиры вели кочевой образ жизни, во вторых, в первой половине XVII века, башкирское население сильно увеличилось. К примеру, в Приисетье существовали Бачкырская и Терсятская волость, населенная башкирами. К 1631 году население настолько увеличилось, что были образованы еще две волости: Пышминская волость и Исетская волость. Башкирские кочевья вынуждены были расширять зону своего обитания. Расширение этой зоны проходило за счет земель калмыков, путем постоянных набегов и захват кочевья. Но в 1661 году в русское подданство приняли волжские калмыки. Теперь русское правительство запретило башкирские набеги на калмыцкие земли. Так же Москва создало ряд укрепленных острогов. Тем самым прекратив расширения сферы хозяйственных угодий башкир.

Стоит отметить, что в Башкирии не было помещичьего землевладения. По этому зачастую местное населения сдавало и порой продавало свои земли русским колонизаторам. Порой башкиры сами были заинтересованы в сдаче своих земель русским кре-

■ Рис 21. Карта пограничных земель с башкирскими землями, русскими слободами, заводами и селами, 1776 год

■ Рис 22. Карта земель башкир, которые предполагалось отвести Строгоновым

■ Рис 23. Карта с башкирским расселением и заводами, из книги Г. Ф. Миллера «История Сибири», Т.2, 1937г.

стьянам. Пряча и поселяя на своей земле беглых русских и не выдавая их властям, они тем самым делали свои земли более привлекательными и увеличивали русскую миграцию.

Порой на местах власть становилось на сторону переселившихся русских крестьян. Воеводам были выгодны новые русские поселения, это увеличивало число новых налогоплательщиков и возможность быстрее освоить Уральский регион. Последнее требовала от них центральная власть.

Хорошим примером этого может служить факт основание Багарятской слободы. По правилам и за-

конам того времени, слободу можно было основать на пусторожном месте, то есть на земле никем не заселенной или без хозяйственного использования кем бы то ни было. Для выяснения этого проводился опрос жителей прилегающих мест. По мимо опроса, писцы (чиновники того времени) должны были самостоятельно выезжать на место и осматривать территорию. На деле были опрошены только русские поселенцы и драгуны, жившие во крестных местах. Писцы на место не выезжали, межевание прошло без выезда на место в «кабинете». Такой подход был нарушением писцовых наказов 1683 и 1684 годов. Случайным образом, местное ясачное население забыли опросить. Ясачным населением Урала тогда были коренные народы: вогулы, остяки, татары и конечно же башкиры. Позже, при проверке, выяснилось, что русские крестьяне и драгуны просто солгали. Но соответствующие записи в писцовых книгах были сделаны и 1688 году Багарятская слобода была основано и существовала еще долгое время.

С началом царствования Петра I ситуация еще более усугубилось. Причиной этого был металл. В русском государстве до петровской эпохи почти не было своего железа и меди, а они были необходимы как воздух. Медь шла на изготовление денег и на военные нужды. А железо шло на производство оружия.

К концу века на Урале были обнаружены большие и качественные запасы меди и железной руды. А в начале XVIII века решено было построить на Урале железодельательные и медеплавильные заводы. Понятно, что о правах башкир на землю государство стало забывать. Модернизация важнее. Казенный Уктусский молотовой-железодельательный завод был построен в 1704 году, на речке Уктус (сейчас река Патрушиха в городе Екатеринбурге). Это была территория башкирской Сальютской волости. Земли Уктусского завода и окрестностей башкиры считали своими. А в официальных документах эта земля значилась как государственная пустошорожняя.

Еще одним важным событием в металлургии Урала стало открытие медного Гумешевского рудника. Открыт он был на реке Полевой в 1702 году. Земли на реке Полевой башкиры считали своими, и 10 июня 1718 года башкиры напали на работавших

на руднике крестьян. Тем самым они временно сорвали разработку рудника. Горная власть, во главе с Татищевым, стремилось в кратчайшие сроки мирно урегулировать ситуацию с башкирами. Скорейшее разрешение ситуации требовалось из-за сильного падения объемов выпускаемой меди. Если в 1719 году было получено 2537 пудов чистой меди, то в первое полугодие 1720 года сумели выплавить только 280 пудов. Восстановить или превысить прежние показатели было возможно только при эксплуатации Гумешевского рудника. Татищев действовал с помощью кнута и пряника. Стараясь привлечь к горному производству как можно больше башкир, он писал местным начальникам указания, чтобы они привлекали к горно-металлургической работе коренное население, всегда вовремя и сполна оплачивали их труд, за пользование земель так же предполагалось вознаграждение.

Так же необходимо было провести межевание спорных с башкирами земель. Петровская эпоха потребовала быстроты и точности в решении проблем. Татищев предлагал провести размежевание спорной территории. Те земли, которые были пригодны для строительства заводов, предполагалось объявить владениями Строгановых, так как еще в 1568 г. вся Чусовая с притоками была передана Иваном IV в их владения. Данная инициатива центральной власти понравилась, но ситуация стала еще более запутанной.

Подобные действия властей никак не смогли успокоить башкирское население. Пробовали воздействовать на них через Уфимских воевод и командиров войск. Через их посредничество Татищев хотел пригласить предводителей башкирских родов на Уктусский завод, для проведения переговоров по межеванию спорной земли. Но те не только отказались приехать, но и разорили поселения с работными людьми в верховьях Чусовой на Косом Броде. Тогда пришлось задействовать войска. Для охраны пограничных слобод и деревень были размещены части драгун Сибирского полка. Одновременно с разработкой рудных месторождений, рылись шансы и укрепления.

Все же это проблему не решило. Сменивший Татищева генерал-майор де Геннин продолжал захват вотчинных башкирских земель. При нем началась интенсивная разработка Полевского месторождения. Одновременно с этим были посланы крупные группы рудоискателей. Ответом было очередное нападение башкир. Стоит сказать, что на протяжении тридцати лет башкирские нападения стали перманентными. Но у генерал-майора на то момент был в распоряжении почти весь Сибирский драгунский полк. Начав преследования башкир, драгуны не только смогли отбить награбленное, но и найти виновных. С этого момента рудники и шахты стали укрепляться, как маленькие крепости. Кстати, к работе на рудниках привлекали тех же солдат.

Оттеснив башкир за реку и укрепив прилегающую территорию, де Геннин обозначил будущие границы лесной дачи Полевского завода. К 1804 году лесная дача Полевского завода насчитывала более 135 504 десятин земли. На этой территории было 55 640 десятин хорошего леса и около 16 242 десятины вырубленных мест. Остаток пространства была занято под нужды местного населения.

Напряженную ситуацию с Уктусским и Полевским заводом решили с помощью войск. Разместив

драгунов в крепости с говорящим названием «Горный щит», де Геннин завершает идею Татищева – основывает Екатеринбург. Екатеринбург строился как завод и крепость. Де Геннин писал, что крепость построена «для безопасности от непостоянного Казачей орды народа, башкирцев и татар, которые в близости жительство имели и увидели, что русские люди близ их рубежа строят заводы, собирались воровскими партиями и русских людей, которые руды искали около Полевой, убивали».

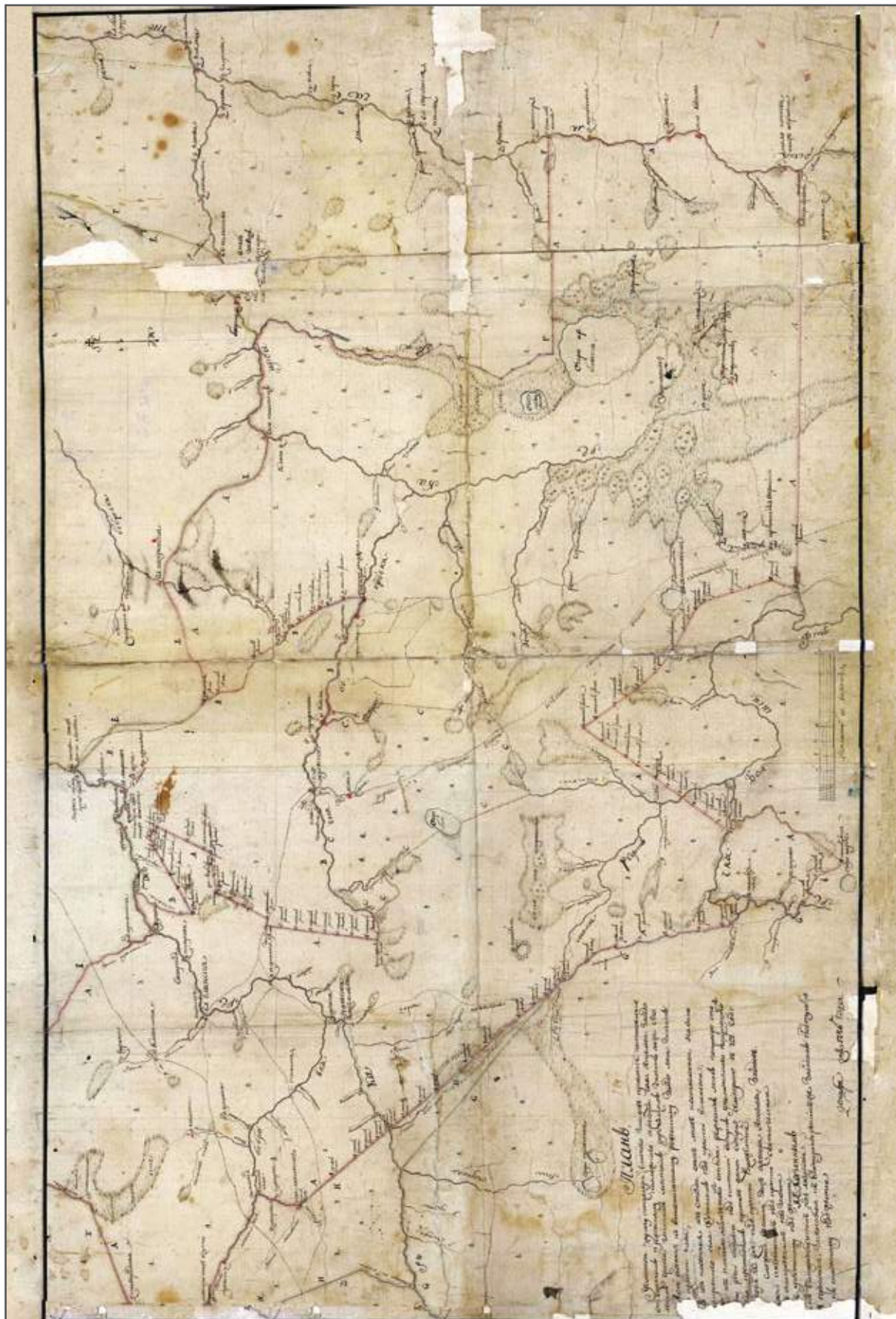
На этом последовательный государственный захват башкирских земель на Среднем Урале остановился. Де Геннин приходит к выводу, что башкиры больше горному промыслу не мешают и строительство новых заводов на их территории не имеет смысла – это приведет только к еще большей вражде. Стоит сосредоточить внимание на уже построенных заводах и осваивать ту территорию, которая уже есть.

Другим интересным примером может послужить история с Ревдинским заводом Акинфия Демидова. Эту историю очень хорошо описал Манин: «В мае 1724 года Н. Демидов получил разрешение Берг-коллегии на постройку Ревдинского доменного завода, но умер, не приступив к строительным работам. А. Н. Демидов не спешил реализовать планы отца. Тогда на постройку завода в этом месте стал претендовать его брат Н. Н. Демидов. Акинфий вынужден был начать переговоры с братом. Уступив родственнику другое место, А. Демидов начал в 1732 году строительство Ревдинского завода. При этом башкиры оказали сильное сопротивление против отвода их земель под заводское строительство.

Из-за сопротивления владельцев земли, а также производственных просчетов, строительные работы затянулись до 1734 года. 9 ноября 1733 года горными чиновниками Неклюдовым и Бахоревым к заводу были отведена небольшая площадь земли, чтобы ее хватило на 1–2 года, для того чтобы с учетом вырубki рассчитать потребности завода в лесах, а затем отвести их на 30-летний срок, как требовала этого Вальдмейстерская инструкция 1723 года.

Однако процесс отвода земли к заводу несколько затянулся, так как заводовладелец так и не смог в это время урегулировать земельные отношения с владельцами земли. Благоприятные обстоятельства представились только после подавления башкирского восстания и облегчения заводовладельцам правил покупки инородческой земли. К быстрейшему завершению земельной сделки Акинфия подталкивали и внешние обстоятельства — строительство казной недалеко от вновь построенного Ревдинского завода Кунгурской пильной мельницы и начало постройки в этом районе судов для перевозки металла. В этих условиях частный заводовладелец поторопился завершить земельную сделку с проживающими на этой земле представителями коренного населения.

Демидов объявил эти владения собственностью башкир Катайской волости Сибирской дороги. Притом в купчей крепости, оформленной с владельцами 7 октября 1741 года, содержалось положение о том, что владельцы обязаны даже после продажи, которая фиксировала вечный переход владельческих прав в руки заводовладельца, в случае возникновения любого спора по поводу этой территории не только вернуть всю полученную сумму заводовладельцу, но и возместить Демидову все убытки.

■ Рис 24. Карта земельной дачи Ревденского завода, 1776 год

А затем, пользуясь положениями заключенной купчей крепости, он начал вырубать леса близ пильной мельницы. На возражения властей, посчитавших эти действия незаконными, Демидов предложил купить это государственное имущество, по мнению заводо-владельца, расположенное на его земле.

Договор, заключенный А. Демидовым приводит к новому земельному спору, так как, несмотря на то, что эта земля граничила с территорией, принадлежащей Полевскому заводу, на землях которого, по утверждению горного начальства, и была построена вышеупомянутая мельница. Для решения этого спора потребовалась новая комиссия, которая доказала полную необоснованность требований заводо-владельца.

Лесов, отведенных в 1733 году, хватило бы заводу, по крайней мере, на 149 лет, что намного больше, чем действующая тогда норма отведения лесов к горным предприятиям. Ревдинский завод был построен на покупной у татар земле, леса отводились по указанию горного начальства. Иргинский завод был построен на наемной у вотчинников-татар земле. Таким образом, мы видим, что земли к заводам приписывались, покупались, нанимались, а иногда и самовольно захватывались.»

Если говорить о заводах Демидовых, то стоит сказать, что некоторое их количество было построено на купленных у башкир землях. Тут была определенная выгода и для башкир. Продав землю под строительство завода, они не продавали землю под лесные заводские дачи, тем самым вынуждая заводчиков покупать лес. А продажа леса приносила неплохой доход.

На южном Урале все было еще жестче. В 30-е годы XVIII столетия в правительстве возник замысел присоединить к империи чуть ли не всю Среднюю Азию. Это могло принести огромные торговые богатства. Россия могла получить контроль над торговыми путями из Индии, а это сулило солидные барыши. Территория Южного Зауралья расцени-

валась как плацдарм для присоединения. Южный Урал должен был сыграть ту же роль, что и Средний Урал во время колонизации Сибири. Для осуществления этих целей была послана Оренбургская экспедиция во главе с И. К. Кириловым. В результате деятельности этой экспедиции вспыхнуло сильное башкирское восстание, которое длилось около 6 лет, с 1735 по 1741 год. Причем предыдущие восстания по сравнению с этим казались «цветочками». Восстание было подавлено, а часть башкирских земель, чье население участвовало в восстании, было конфисковано.

Это позволило заводчикам купить очень большое количество земли, по очень низкой цене. Правительство поощряло эту инициативу. Причем, на строительство завода давались очень короткие сроки. Если же завод не был построен, земля конфисковывалась, а на бывшего владельца накладывался солидный штраф.

Так был построен Месняковым и Твердышевым Воскресенский завод. Завод был построен не только в короткие сроки, но и укреплен не хуже любой хорошей крепости. По земельному отводу, лесная дача завода составляла около 77 555 десятин земли. Разрешив покупку огромного количества земли, государство инициировала заводской бум. Причем, именно на Южном Урале, в результате этого бума стал доминировать частный капитал.

Последствием такой политики стало восстание Емельяна Пугачева и почти абсолютная поддержка его башкирским населением. Во время этого восстания была захвачена часть уральских заводов. Башкиры, участвовавшие в этом восстании, просто приходили и разрушали уже захваченные повстанцами заводы. В результате этого восстания все захваченные заводы, были разрушены.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что ненависть к заводскому производству среди башкирского населения была очень велика.

ПРИМЕЧАНИЕ

**ГЕОРГ ВИЛЬГЕМ ДЕ ГЕННИН
ОБ УГОЛЬНОМ ДЕЛЕ**

При том же и пилование лесу, над которыми делами учрежден особливой надзиратель при том должность оного

В бережении лесовот напрасной порубки и от пожаров и от протчего надлежит ему поступать по генерально выданным печатным оборвальтмейстеров и лесных надзирателей инструкциям, токмо особливо при здешних местах, где заводы есть, надлежит припамятовано и исполнено быть и последующее. Понеже леность и нехранение здешних обывателей в поступке рубления лесов наносят заводам великой вред, как видно, что и к малым заводам в краткое время множество лесов вырублено, к тому ждесь и леса весьма туго растут и едва чрез 50 лет вырастают ли годные на угольные дрова, и от того опасно, чтоб за скудостью дров впредь заводы не остановились и чрез недостаток меди и железа и интересу уменьшения не нанеслось, и для того к наивысшему охранению при заводах лесу прилагаетца сие. Чтоб никто лесу стоячего соснового и березового в стороны от завюдов в дватцати верстах рубить ни на что не дерзал под штрафом за всякое дерево, годное на уголь, по 20 копеек, а которая сосна годна на валы или на протчие потребности к заводам, за тое по вальтмейстерской инструкции.

Дрова рубить заводским жителем из валежнику и пенья и ис такого лесу, которой не употребляетца на уголь, из осинового и талового, ибо как есть видно, что оного довольно имеетца, а из годных лесов на уголь дрова жителем рубить запретить под штрафом.

Ежели ж потребно будет кому что вновь построить, оному требовать позволения в рубке сырого стоячего лесу от обербергамта, которому о том строении, во-первых, освидетельствовать, и ежели по свидетельству явитца, что построить надобно и пробыть бес того кому будет иельзя, тогда на то строение давать удобное число бревен из оставших вершин от того лесу, что рубитца на растирку тесу на пильной мельнице, ибо оных вершин в лесах сстаетца довольно и бес потребности бросаетца, а к строению квартирному и протчему небольшому весьма потребны. А когда оной весь выберетца, тогда из стоячего на нужное строение давать же токмо без излишества.

Которые люди ходят за зверьми и рубят лес, также и на веники березник молодой с корени, оного накрепко надзирать, чтоб того чинено не было, и ежели кто в такой продерзости явитца, также буде кто во время соку или в какое другое [время] лес будет подкаблывать и тем подсушать, с таковыми о штрафе чинить против первого пункта.

Дрова на куренях велеть рубить чисто и сучье, которые будут оставатца, складывать в груды от дров по нижеобъявленной мере. А рубить леса на дрова с корени, конечно, в марте и апреле, октябре и ноябре месяцах, а летом не рубить и пенья выше полуаршина не покидать.

Траву опаливать запретить накрепко, и ежели где нечаянным случаем учинитца пожар, то должны заводские и протчие ближние около заводов жители, как возможно наискоряе, все бежать и гасить, а кто оное преступит, таковых штрафовать по указом и

вальтмейстерской инструкции, а кто пожар умыслом или небрежением учинит, таковых объявлять к суду во обербергамт.

Чтоб едущие и идущие по дорогам в лесах в летнее время огня не токмо под стоячие, но и под лежачие леса отнюдь не розскладывали и тем бы пожаров и траты напрасной лесам не чинили. А ежели кто кого увидит, что стоя в лесу летом огонь розскладеной имеет, таковых, хотя от оного еще пожара и не учинилось, ибо оные, имея огонь, со стану отъезжают, не угася, от чего всегда может случитца пожар, лоя, приводить в те места, хто х которому ближе пойман будет, и объявлять тех мест в канцеляриях и канторах, с которыми поступать яко с преступниками указов. А зимою на станах огонь хотя иметь, токмо малой и то не под стоячими ж деревьями, и как со станов будут отъезжать, чтоб огонь снегом загасили, и, не загася, отнюдь не покидали. И того ради объявить заставщиком на всех заставах и другим во всех местах, лежащих при дорогах, жителем, чтоб оные проезжим сказывали, дабы отнюдь никто огня в лесах летом розскладывать и пушать и зимою, не угася, оставлять яе дерзали, и для того во всякой лежащей при дороге к заводам деревне поставить столбы и иа них прибить доски с надписанием и показанием на тех досках знаков для знания простым людем, чтоб оное подтверждение оеи всегда имели в памяти и чинили по тому заказу неотменно под вышеозначенным штрафом; также и близ дороги деревья подрубать не велеть, а ежели едущему понадобится на дрова, то могут далее от дороги срубить, колико надобно, чтоб дороги не завалить, а ежели кто оное учинит, таковых наказывать по определению 1732 года апреля 17 дня, записанному во обербергамте, и дорогу велеть очистить.

Понеже чрез несколько лет практика оказала, что около заводов на вырубленных местах лесов на дрова, угольные и протчие заводские потребности растут леса молодые весьма густы, отчего оные, ежели никакого к тому способу не учинить, и никогда в достойную меру, чтоб можно было их употреблять на уголь и на протчие заводские надобности, не вырастут, как эксемпель есть Уктуские заводы, ибо при сных леса порублены уже тому минуло лет с 30, а на тех порубленных местах вырослого лесу и поныне годнаго на дрова не находитца, но оной от густоты и заглук растет очень неспешно, того ради ко оному, чтоб могли леса вырастать скоряе и годными быть ко употреблению, учинить способ следующей: впредь около заводов между взрослыми после порубки лесами годными, а имянно, где есть толстые и высокие и прямы, тут между теми, а где толстых нет, тут между жь такими, которые лутче других, повыше и потолпие и попрямя маленькие деревца, от которых более заглук и густота есть, от тех оставших хороших дерев кругом на сажень или немного и более вырубить и, вырубя, из лесу выносить их для опасения от пажарного случая на большие дороги или хотя и в лесах, токмо сносить в груды на чистые места, а не раскиданные оставлять, ис которых тонкие велеть брать заводским жителем на домашние их употребления, а которые в порубку приходить будут потолше, тех оным не брать, а рубить казенными работниками теми ж, которые тое розчиску будут чинить, на дрова и, буде годны будут, употреблять на уголь; а буде на уголь годитца не будет, то на топление кантор и других казенных домов, х которым ис казны дрова употребляютца.

*О рубке дров на уголь, и о кладке их в кучи,
и о дернении, и о сыпке, и зжениии,
и разломке кучь*

Крестьян, которые определены будут для рубки дров, ежегодно из домов их приводить самим дистриктским управителем вдруг и объявить роскладную и имянную роспись, на кого сколько сажен положено. А ежели они, управители, того чинить не будут, то штрафовать их жестоким штрафом, понеже от их управительской оплошности, что они крестьян высылают без имянной росписи и бес показания, сколько на кого положено розкладу, оные крестьяне, придучи на завод, за ожиданием других, и за незнанием, кому сколько по розкладу надлежит дров вырубить, живут недели по две и более праздно, ибо за такую неприсылкою от управителей росписей и роскладу в работу крестьян определять не без конфузии, и от того им обиды и в деле государевом остановка. А ежели за каким резонем и дальности между слободами и деревьями всех крестьян собрать и вдрух привести управителем невозможно, то высылать прежде ближних и с ними присылать об них имянную роспись, сколько оных пошлетца, показав во оной имянно, какая на кого работа положена. А з достальными, как выше писано, приезжать самим управителем конечно марта к 20 числу, не давая в том крестьяном никакой потачки и от них отговорок таких, якобы зачем к тому числу быть им или за глубокими снегами дров рубить нельзя, не принимать, ибо хотя они и к тому числу приведены будут, то пока им будут чинить отметки в работы и отвод лесов и они к тому изготовлятца будут топорами и станами, то, хотя б и снега когда глубоки случатца, им помешания не будет, ибо они ранее за оным случаем как с апреля к рубке дров не вступят, дабы от того способу они, конечно, могли семейные дрова повытки свои вырубать и отдавать все до мая, до их пахотного времени, дабы та рубка за их огурством или не смотрением управительским не могла чинить препятствия их пахотному времени и им, крестьяном, раззорения, а паче интересу ущербу; а одинакие вырубить и отдавать же с запискою не менее половины, а что более половины вырубят, то и лутчее, дабы колико в вырубке будет дров, можно было окуратно знать, а не так оставлять, чтоб по дровосеку паленья были раскиданы. А с мая месяца для пахоты и посева хлеба отпущать крестьян из дровосеков в дома, а другую половину дорубать в июне месяце. И того за ними с прилежанием смотреть лесному надзирателю и в рубке дров понуждать, чтоб, конечно, оные заблаговременно были изготовливаны, и кто из них, крестьян, будет при рубке оных поступать леностно или дрова складывать и от оных хвою и иротчее очищать не против нижеписанного или будет являтца в других каких неисправностях, таковых лесному надзирателю в дровосеках при их братье наказывать с рассмотрением, по вине смотря, трезвому, а не пьяному и при том им объявлять, ежели семейные до мая, а одинакие другой достальной половины в июне месяцах до пахотного их времени, до поставки сен и снятия с поль хлеба, окладу своего не вырубят за тем своим ленивством, то оные и в пахотное время, когда приспее поставка сен и снятие с поль хлеба, отпущены не будут, но принуждены будут дрова дорубить, дабы за тем заводы не остановить. А чтоб оные куренные работы могли заблаговременно быть отправляемы, того для при оных наемщиком ис крестьян таким, как бы одному отправить два повытка или более и на

которых особливые другие розклады работ есть, не быть, а быть каждому у отправления своего повытка, от чего могут работы скоряе быть отправляемы без упущения удобнаго времени и оных в доимку, и для того при приеме их, крестьян, в дровосеки смотреть, чтоб каждой был на лице, кто расположен, а не один от многих или наемщик, и по приводе определять их в рубку дров без задержания. И в лесах розоставлять не мирволя, лакомства или похлебства ради, чтоб одну слободу поставить на реткой и плохой, а другую на густой и доброй лес, но как возможно иметь в том рассмотрение и разверстку, чтоб крестьяне друг пред другом в том обиды не терпели и жалоб иметь не могли. И по разводе и разставке в лесах должно предостерегать и смотреть, чтоб они, крестьяне, также все при рубке были и без ведома надзирателя никуда не отлучались и притом поступали неленостно и лес рубили (кроме толстого и надобного на валы и на протчие) срядом, полосою, не обходя никакого дерева, а не так, где кто похочет, тут да инде. А ежели между сосновым будет лес березовой, то по срубке на дрова со оною кору соскабливать вдоль палена местами, а бес того тех березовых дров вполеницы не класть, ибо ежели березовой лес в поленицы будет кладен неоскоблен, то оной от лежания на воздухе в краткое время затыхаетца и ко зжению из него угля соделываетца неудобен.

Понеже от лености дровосеков чинитца, что некоторые, не хотя дерево у окореня очистить и рубить наклонясь, рубят от кореню высоко, чем чинят лесам не малую трату, к чему их привело несмотрение мастеров и лесных надзирателей, и чтоб леса содержаны были в добром збережении, рубить крестьяном деревья, сколько возможно, близ кореня и пенья не оставлять под штрафом выше от земли от одной до двух четвертей. Толстые поленья колоть в мелкие, а которые собою в диаметре ниже дву вершков, оные класть в поленицы, не раскалывал, токмо того за дровосеками смотреть, чтоб поленья рублены были и длину кроме остряка в 7 четвертей, а [далее] того поленьев рубить не принуждать и корочее того не принимать под штрафом.

Сучья, хвою и щепы, которые при рубке дров бывают, крестьяном от полениц велеть очищать начисто и относить от тех полениц в стороны, куда способно, от пяти до десяти сажен, или по рассмотрению между поленицами разстояния мест, как оные допустят, токмо б, конечно, оное кладено было не близ костров, и не оставлять оные роскиданы повсюду, но класть кучами. Также и траву длинную сухую очищать кругом каждой поленицы на одну сажень, дабы по несчастию приключения в куренях пожара во оной хвои и протчей сухости, яко от беглого огня, все поленицы не згорели. И для того дровосеки от огня беречь всеконечно, чтоб во оные огонь не мог забиратца и чинить лесам и вырублеим дровам траты, а паче того наблюдать весною. И для варения пищи [во время] рубки дров и других куренных работ дровосеком и куренщиком огонь иметь в ямах или котлы окладывать глиною, около которых чтоб очищено было чисто, дабы от искор, от того огня происходящих, не могло какого пожара произогти. А по сварении нищи огонь угашать и тако чинить в сухое время, а когда бывает мокрота и стужа, то огонь им держать позволяетца токмо з бережением же, чтоб от оною не могло какого пожара незапного учинитца. Ежели же от какого незапного случаю пожар и начнетца, то б того часа они, дровосеки, и угасили, а буде не угасят и огонь уйдет в лес и от того учинитца лесной пожар, за то их штрафовать по указом.

Старые пеньи и валежник, которые суще здоровы, а не гнилы, оные, не обходя, велеть рубить в дрова и класть в поленицы.

Толстой хорошей глаткой и прямой лес, а имянно годную сосну на валы, бабы, доски и другое строение, а березу на топорище и ладони, обходить и оных отнюдь рубить не велеть.

Рубленные дрова в поленицы одно подле другое полено крестьяном велеть класть плотно, а не так, чтоб великие дыры были, ибо от некоторых пакосников случаетца, что они за своим ленивством и огурством дрова в поленицы кладут весьма ретко, в чем есть, ежели такая поленица принята будет, казне убыток, и указанная сумма коробов угля ис кучи не выдет. Того для, ежели при здаче от крестьян такие поленицы явятца, оные велеть немедленно тем, кто здает, перекаладывать плотняе не в зачет ево работы, а неплотно складенных полениц от крестьян отнюдь не принимать под штрафом. Также б березовые дрова от сосновых особливо кладены были и поленицы как тех, так и сосновых дров, мерою менее четверти сажени кладены не были, а у кого явятца складены менее, у тех таких не принимать же, а велеть складывать в вышписанную меру. И поленицы б по дровосеку кладены были в одну сторону, а не в разные, дабы оные можно было скоряе принимать и видеть, которой ряд уже принят.

Когда которой крестьянин по окладу своему дрова вырубит и о том объявит, то того часа к тем ево вырубленным дровам итти выборному и угольному мастеру и освидетельствовать, что по мере ль в длину поленья рублены и по надлежащему ль росколоты, и плотно ль складены, и березовые от сосновых особливо ль, и поленицы не менее ль указанного. И буде по свидетельству явитца исправно, те принимать верною запечатанною от обербергамта саженью не более и не менее оной, чтоб от того не могло быть казне траты и напротиво того крестьяном обиды. И которая будет принята, на оную при том же приеме, не отходя, класть клейма на многих поленьях, в середине, внизу и вверху поленицы, ибо ежели заклеимтся полено одно верхнее, то крестьяне могут зделать плутовство, как то уже и бывало, что ис принятой сажени клейменое полено, выняв, спрятать, а тое поленицу паки отдать в казну, от чего им, когда у них одна сажень приметца за две или за три, хорошей может быть прибыльток, а заводскому капиталу вред. И то плутовство как выборным, так и мастерам угольным всеми мерами предостерегать и отвращать, а ежели то за кем усмотритца, таковых для учинения с ними по указом объявлять во обербергамт. А по приеме дров выборному и мастеру, не продолжая нимало еремяни и не волоча крестьян ради своего похлебства, приходя к лесному надзирателю, те дрова записывать, у кого что принято, порознь березовые и сосновые. А лесному надзирателю их, крестьян, за запискою как дров, так и кучных работ, под жестоком штрафом не задерживать немалого времяни, но отпущать как скоро возможно. А тот отпуск и записку дров и протчие куренные работы иметь не во особливых канторах, но в заводских повытьях здесь при обербергамте, а на других заводах в заводских канторах, дабы оное дело было всегда в глазах у главных, и от того будущие при том в незадержании ради своего лакомства крестьян имели более страх. И когда все по розкладу дрова вырубят, тогда в дровосеки каждогодно имеют посылаемы быть от обербергамта нарочные поверенные для свидетельства меры дров и, буде по свидетельству в приеме явятца дрова длиннее указанной меры или по-

леницы выше и доле, тому иметь записку и по окончании свидетельства те лишки счислять и написать на каждого мастера и по тому уже и выход угля счислять и спрашивать, как по свидетельству написано будет. Напротиво же того, буде дрова и поленицы указанной меры меньше явятца и складены ретко, то также счислять и, что недостатку будет, взыскивать на приемщиках с наказанием. А понеже крестьяне во время рубки дров и отправления других куренных работ часто выходят из дровосеков на завод, принося выговорку, якобы для точки и починки топоров, которые более приходят не для того, но пьянства ради, где проходит немалое время и во отпращении тех работ остановка, и того для впредь в каждой дровосек за настоящую цену давать точила ис казны и велеть топоры точить и починивать тамо, и для того туда по веснам определять ис кузнецов пристойное число за их же крестьянскую плату, чтоб оные работы могли быть отправляемы без остановки.

Буде же у кого ис крестьян дрова сверх их оклада малые части оставатца будут в вырубке, те принимать в казну и записывать имянно, и платить им по разчислению ис платежа цены целой сажени. А дрова, поленья долее и поленицы оных дров, складенные в сажени длиннее и выше указанной меры, отнюдь не иметь и чинить оное непременно по указанной мере, и для того меры саженям и поленью, учиня деревянные и запечатав обербергамтскою печатью, роздать на каждую слободу выборным и сверх того и угольным мастерам.

Когда время приспеет клаже кучь еа уголь и крестьяне к тому придут, тогда должен угольный мастер дрова, на сколько ему кучь определено, роздать крестьяном мерою, и которую сажень мастер крестьянину отдаст, оную при том же и разваливать для знания, чтоб не отдать двойственно одну. И каждому мастеру при своих приемных дровах ставить знаки, дабы всяк ведал, где и которые ево дрова. А раздавать крестьяном каждому по толикому числу, сколько на него положено было и вырубил дров. А им, крестьяном, приняв оные, класть ю кучи равно по 20 сажен, различая березовые от сосновых особо, и сколько место допустит на старых токах, ибо оное есть прибыточно. А ежели дрова отдлитца от старых токов в разстоянии в 400 саженях, то в таком разстоянии к старым токам дров возить крестьян не принуждать, ибо прибыток, которой будет от кучи кладеной на старом токе перед новым, оного провозу к ним дров не заплатит, но класть кучи, где пристойно, токмо на сухих, а не на мокрых и болотных местах и более 20 сажен в кучю отнюдь не класть и крестьяном в том мастеров не слушать. А буде кто из них х кладке излишних дров будет принуждать, на таковых без опасения доносить в обербергамте. А тое кладку, дернение и осыпку отправлять во определенное время, а имянно сентября с половины или по крайней мере не позднее как з 20-го числа, дабы те работы могли окончаны быть в половине октября, пока еще теплое время состоит.

При сем же для примечания, что не кладетца ль лишка дров или менее, прилагаетца сие: когда куча складена будет, тогда б мерою была не менее от середины, что называетца труба, во все стороны шириною по одну по 4 сажени, а кверху сводом в вышину чрез кучю от земли до верху, а сверху на другую сторону до земли ж 10, вкруг кучи по земле ж мерою 24 2/3 сажени.

Потом, как кладетца куча, по оной по всей на дрова накладывать сплошь и плотно дерном толщиною в полтора вершка, на тот дерн насыпать доброю землею, а не песком и не щебнем толщиною снизу от земли в четверть, а кверху в поларшина, что называ-

етца осыпка. По совершении того с половины октября оные складенные, одерненные и осыпанные кучи, оставя прежде кругом услонами, что делаютца из хвои для зашщения кучь во время горения на уголь от ветров, зажигать снутри ис трубы углем, збирая оной из негодного со старых токов, и жечь те кучи по регулу угольного жжения неторопоко, но чтоб оные горели тихонько, чтоб не могло оставатца многих головень, токмо ж и того впредь остерегать, чтоб не чрезмерно долго и в огне были, дабы от того траты в угле и он намелко перезжен не был и угля б крупного и доброго было в выходе из сосновых дров ис кучи 90 или 80, а конечно б не менее 70 коробов, из березовых дров ис кучи 70 и 60, а не менее 50 коробов. И во время горения кучь мастерам прилежно смотреть, чтоб оных до какова вреда не допустить, но оной, ежели случитца, сильною рукою отвращать и дело исправлять, а ежели уголь выходит будет мелкой и более с мусором, за то мастеров штрафовать по указом без упущения. Когда кучи приспеют к ломке, смотреть, чтоб во время разломки без воды или снегу уголь во оных не згорел под штрафом производимаго убытка и сверх того под наказанием, и при разломке оных весьма наблюдать, чтоб уголь не ломать и не топтать, но разгребать оной ис-под земли с великим бережением и, очищая от земли начисто, окладывать уголь особливо, а головни особливо же класть при тех токах в костры, и что головень останетца, оные при том же и теми жь крестьяны складывать паки во особливые кученки наподобие больших кучь и осыпать и жечь на уголь и разламывать так же, как и оные большие кучи.

За те работы кроме кученков платить крестьяном от рубки дров от сажени по 25 копеек, от складки в кучю дватцати сажен дров 1 рубль 5 копеек, от одернения и осыпки кучи 57 копеек, от жжения кучи 1 рубль 16 копеек, от разломки оной же 74 копейки, от воски угля с короба мерою в длину внизу 3,верху 3 $\frac{1}{4}$ аршина, в ширину внизу 14 вершков, вверху 1 аршин 2 вершка, в вышину 1 $\frac{1}{2}$ аршин, буде в 8 верстах, как ныне курени отстоят, по 3 копейки, как о том определено в 1728-м году, генваря 20 дня, а когда курени будут отдалятца, то за воску и плату прибавливать по расчислению на число верст той цены. А мастерам угольным за присмотр при приеме дров и кладке в кучи, при жжении и розломке больших кучь и кученков и при отпуске на завод с куреней угля платить с каждого короба, которой бы был вышеисанною ж мерою, ежели будет выходить ис кучь 80 и более— по 1, от 80 до 62 — по $\frac{3}{4}$, ниже 62 — по $\frac{1}{2}$ копейки с короба, сверх же того, что не достанет из сосновых дров в число 62, а из березовых в число 45 коробов, за оное число коробов по настоящей цене кроме провозу и мастерской платы взыскивать на угольных мастерах вычетом из их жалованья, дабы они при жжении кучь поступали осторожнее.

За клажу же, осыпку, жжение и ломку из головень кученков крестьяном платы особливою производить не надлежит, ибо они, крестьяне, [повинны] с одного раза из дров выжечь уголь без головень, а головни остаютца более от их недосмотрения и ленивства.

О приеме угля

1) Для того приема делать печатки на берестах, вырезав оные на железных клеймах: орел и около его которого завода прием угля и год, на которой тот уголь расположен. А когда тот год минетца, на которой прежде были учинены клейма, то на тех же клеймах насекать другой год бес переделки орла и надписей. А клеймить оные на каждой год здесь в Екатеринбург

при верных присяжных людех по числу оклада коробов угля, на которой завод что положено, толико на тот и наклеимить, которые по наклеимению куда надлежит, имеет розсылать обербергамт.

2) Уголь при заводе сыпать на таких местах, где б безопасно было от пожаров и от больших внешних вод, чтоб оными не могло вредить и интересу траты наносить, а сыпать оной в местах, к тому выбранных и огороженных в столбах забором, при которых учинены приемные светлицы и при них для въезду с углем по одним воротам, чтоб как с угольем въезжать, так и без угля выезжать крестьяне могли в одне ворота, а не в двои, дабы, когда двои учинить, не могло происходить плутовства, как уже эксемпели бывали, что, въехав с коробом в одне ворота и не высыпав, выедет в другие, и потом паки к первым приедет с тем же коробом. И для лутчего, чтоб вошки не могли забору разбирать, оные заборины прикреплять к столбам и сверх того в начале самой воски внутр городьбы подле оную всю осыпать прежде углем, чтоб всеконечно никак не могли проезжать.

3) Когда время приспеет воске угля, тогда быть при первом месте в светлице лесных дел управителю самому, а буде ему зачем при том быть завсегда время не допустит, то поверенному от него, да от мастеровых людей выбранному от них поверенному ж одному и целовальнику. И когда крестьяне с коробами, наполненными углем, придут, тогда и сперва коробки свидетельствовать, что оные внизу и вверху, в длину и в ширину в указную ль меру учинены и не стянуты ль веревками уже указной меры, что ис крестьян некоторые бездельники для лехкости себе, не взирая на то, что ис того есть великой ущерб интереса, часто чинят, нанизу уже и короче делают и наверху стягивают. И потом, когда по свидетельству явитца короб в указную меру и уголь без земли и многова мусору, тогда в ворота пропустить и велеть уголь в ограде высыпать и сметать в груду чисто. И как высыплет и уголь в груду смечет и придут паки к воротам с простым коробом, то целовальнику обще с управителем и мастером дать тому крестьянину за каждой короб одну берестяную печатку и пропустить возвратно, а от канторы тем привозным коробам каждому коробу иметь записку для того, чтоб можно было познать и репортовать понедельно, колико угля на завод вывезено, также буде крестьянин, не довезя положенного на него числа коробов угля и не записав, что не вывезено, те взятые за вывезеной уголь печатки увезет в дом, можно было знать и сыскать потом доимки. А одному без другова той дачи печаткою оным трем человеком под жестоким штрафом не чинить. И когда первое изготовленное к тому место углем наполнено будет, тогда перетти тем же приемщиком на другое место и в другую светлицу и потом и во всех к тому изготовленных местах чинить по тому ж. А у кого коробки явятца не в указную меру или не полные и уголь з землею и многим мусором, за то крестьян наказывать и короб велеть исправить. А кто привезет неполной, у таковых не принимать, а принимать полные и на крестьян при розкладе поставки угля коробов долями, яко осьмьюнами, четвертьми и более и менее, располагать ие надлежит, но за доли целыми, и ежели прилучатца доли меньше полукороба, то оставлять туне, а ежели больше, то положить, чтоб целой короб вывез, а не долями для избежания плутовства, что чинили некоторые управители ис корысти своей, взяв с мужика за воску угля деньги себе, а сам не вывезет ничего, надеясь на то и заменяя, что за доли привозят целыми коробами.

4) Крестьяном объявить, чтоб при воске с токов уголь насыпали в коробки з бережением и напрасно не мяли и не ломали и вывозили без остатку, чего над ними особливо смотреть угольным мастерам и при том же предостерегать, чтоб оной угашен был так, дабы в нем искра не закралась, которая по привозе ево на завод великой вред, ежели не усмотритца, принести может. Также бы даемые им берестяные печатки от утраты и от междоусобной друг от друга кражи берегли, и для того б каждой те печатки имел при себе в мешечках и берег для себя, ибо когда оные потеряет, [то и зачету не будет. А ежели кто какимнибудь незапным случаем оные потеряет], а другой найдет, тем объявлять того ж времени, когда найдет во обербергамте под штрафом за необъявление жестокого телесного наказания. А как положенное число угля вывезут, тогда печатки, данные им от приемщиков, объявлять надзирателю, а ему, приняв, пересмотреть, все ль одного года и завода печати, и буде надлежащего клейма и года, то, записав в книгу и дав ярлык, того крестьянина отпустить. А ежели у кого являтца печати не того завода, на которой возил, и не надлежащего года, но других, тех к розыску объявлять во обербергамт, где с ними надлежит чинить по указом до чего дойдут. А по окончании воски те берестяные печатки здесь лесному надзирателю объявлять, а з других заводов от кантор присылать запечатанные в ящиках во обербергамт, которой имеет свидетельствовать и смечатца, что то ль число во объявлении будет, сколько было в отдаче, и ежели будет какое несходство, а имянно недостаток или паче чаяния лишек, о том оной имеет следовать и по следствии также, кто до чего дойдет, чинить по указом без всякого мирвольства и потачки.

Лесным надзирателем и угольным мастерам работников для своей корысти никуда от их дела не отпускать, а ежели кто в том будет изобличен, таких жестоко штрафовать и наказывать, дабы впредь другим так бездельничать было неповадно. А во время работы, ежели кто будет ленивствовать и в деле своем поступать нерадетельно, а от того может произотти убыток, таковых лесному надзирателю по рассмотрению наказывать по указом.

При том угольном деле инструменты — керки, лопатки, кади и прочее, что принадлежит, крестьяном иметь свои, а казенных к тому не употреблять.

Угольного дела надзирателей, подъячих и целовальников переменять чрез два года, а салдат помесечно.

Понеже хотя я имел старание и после меня от обербергамта было и не бес того ж, как воровство пресечь, аднако сие все втуне, ибо приемщики и надзиратели, забыв страх божий и присягу, многие чинят пакости, и в приеме дров и угля паки являетца плутовство.

1) Когда к рубке дров крестьяне прибудут и которые из них надзирателю и старшему угольному мастеру дадут взятки, то их ставят, где лес гуще и лутче, а которые ничего не дадут, тех ставят на реткие леса и болотные далекие места. А надлежало было оное чинить с переменою по годам, ежели сего года которые рубили на густом лесу и в близости, а те ж будут к рубке и в другой год, тех определять на редкой и далее, а которые прежде рубили далеко и на ретком и болотном лесу, тех ставить на густые леса и близкие места.

2) Хотя крестьяне дрова и по мере вырубят и кладут в костры плотно, а приставленным к приему пока ничего не, дадут, то они им сказывают, будто поленья не по мере и сажень мала и ретко складены и за тем не принимают и волочат, а когда взятки с них смучат, то хотя б и подлинно дрова были поленья короткие и са-

жень меньше и складены так ретко, что и барану проскочить можно, принимают за годные.

3) Им же, крестьяном, для взятков же приемщики велят деревья с корени рубить так, чтоб пень з землею равен был, которой надлежит оставлять от земли вышиною в поларшина, а как взятки возьмут, то уже не смотрят и не берегут того, чтоб пень оставлен был от земли в поларшина, но хотя б был в аршин или выше, то оставляют так, как довольно видно по оставленному пенью, о которых они, приемщики, когда спрашиваны бывають, имеют бездельные выговорки, будто за глубокими снегами такие пенья сставляваны, чего в здешних дистриктах в степных местах, хотя где и лес есть, в такие времена, когда дрова рубятца, мало случаетца.

4) Приемщики крестьяном приказывают и велят, чтоб дрова росколоты были в самые тонкие поленья, что безмерно трудно крестьяном, которые надлежит [роскальвать], например, чтоб [полено] было в четверть аршина или хотя немного и посвободнее, а которые поленья будут сами собою не толще четверти, те класть в поленицы, не раскальвая, а которое полено толщиною будет в поларшина или немного и потолще, те [роскальвать] на четверо, а что толще оного будут, те против того ж по пропорции толстоты полена, чтоб в толстоту было в четверть с небольшим, токмо б многим толще не было, а в ширину хотя и шире четверти будет, то в том притчины нет. А когда получают взятки, то им, крестьяном, дают волю самые толстые целые поленья в поленицы класть между тонкие, от которых, когда в кучи кладутца, великой вред бывает, ибо мелкие згорят, а они, толстые, остоютца головнями. А когда того смотреть, чтоб и оные выгорели в уголь, то пока оные выгорать будут, а мелкие тогда уже могут зделатца пеплом, а не углем.

5) К обсыпке кучь отводят места крестьяном, ис которых надлежит на осыпку землю брать, такие, где глины нет, но песошную каменную и с хрящем, желая взятков, для того что те мужики понуждены глину и черную землю к обсыпке возить из дальних мест, от чего им против других немалая лишняя тягость есть. Где уже подлинно в близости к кучам удобной земли нет, то в тех местах надлежит крестьян переменять так же, как и от реткого лесу погодно.

6) Хотя от меня определение и было, чтоб уголь от мужиков принимать по ярлыкам, а имянно, сколько на кого положено вывезть угля коробов, то столько напредь дать и ярлыков, а потом как уголь станет привозить, то из оных данных ему ярлыков принимать за каждой привезеной короб по ярлыку. И когда все от него ярлыки в ящик примутца, то дать отпуск. Но и в том явилось плутовство, что приемщики из взятков за один привозной короб угля принимали в ящик по два ярлыка и более, завернутые вместе, в чем есть интересу немалая трата. Также может крестьянин по согласию с приемщиком, хотя ярлык в ящик и отдан, с углем уехать мимо кучи, где надлежало сыпать на подворье и на другой день паки с тем же коробом приехать и вторично ярлык положить в ящик, как уже и обрасцы были.

7) По отбытии моем отсюда Сибирской обербергамт разсудил, что будто ярлыки мешкотно розбирать, хотя многие годы как на Олонце, так и здесь было и разбиралось по моей бытности, и для того оные оставили, а определили прием иметь угля от крестьян брусками, на которые, когда кто привезет короб угля, велено приемщику или целовальнику насечь на бруске за каждой короб по клейму в воротах. А они, приемщики, как я сам видял, что клеймят не в воротах,

но на улице, или где случитца, мимо едущим мужикам с коробами насакают клейма, а поедет ли он и высыплет ли на указанном месте, того неизвестно. А хотя и мастерам каждому в своей фабрике велено принимать также и свое клеймо на том же бруске, на котором и целовальник клеймит, класть, но они сами, хотя и не видя привозного короба с углем, для того что им иногда от работы и отлучитца невозможно, но надеясь на целовальника, кладут свои клейма. И для того может быть крестьянин с привезенным коробом угля, [объехав] кругом кучи, паки к приемщику придет и заклеяет вторично тот же короб, чтоб ему хотя и ничего в казну не привезет, но токмо поскорее получить отпуск. А целовальник или приемщик изо взятков может насечь клеом, сколько хочет, а надзирателю лесному того всего усмотреть невозможно. Также ныне явилось от плута надзирателя лесного бывшего при Полевском заводе каптенармуса Марьянинова, что клейменные, на которые без вывозки угля клейма насок, продал крестьянину за полтретья рубли и по тем произвел записку и дал ярлыки и тех крестьян отпустил в дома, а [они] угля и не возили, а он репортовал, будто вывезли.

8) Он же, Марьянинов, в воску с куреней на завод угля брал у крестьян деньги, которым сказывал, что уголь он вывезет, для того что-де кому оной возить, у него вошки есть, и [то] он чинил вымышленно, будто не сам нанимаетца, но посторонних нанять хочет, и для того тех крестьян, у которых деньги взял, отпустил в дома, а уголь оставил в лесу без вывозки и теми деньгами искорыстовался. Также и сверх того такие пакости чинил, что которым крестьяном по розкладом на них надлежало поставить угля за другими полными неполной короб, но часть, а они ставили полные коробы и за части, а в приход им, Марьяниновым, вношен не так, как вывезен, но по расположению з долями, и те излишняя части, собирая, заверстывали в вывозку другим, у которых он нанимался, и записывали в приход, якобы оные крестьяне вывезли, которые и не важивали.

9) Они жь, плуты, приставленные в дровосеках салдаты и угольные мастера и подмастерья, нанимаетца у крестьян сам, и дрова их вырубить и поставить немалое число и для той рубки некоторые из них делают помочи, созывая в воскресные и праздничные дни всех обретающихся в дровосеке крестьян и рубят оными, а крестьяне бедные, хотя б кому и итти нет охоты, но почти под неволею ходят, опасаясь впредь, ежели не потти, нападения и наветов от оных, а другие и так делают, что, не вырубя, пишут в прием, плутая обще с выборными, а вместо того наверстывают такими, что у крестьян по вырубке дрова принимают будто на усышку с великими лишками, а имянно в длину и в высоту лишка на четверть и на поларшина у сажени, которыми сами корыстуютца, и заменяют вместо того числа, что, нанявшись, не вырубят. А иные от многова числа забору и тем навестать не могут, но другие скважни сыскивают при кладке дров в кучи такие, где б надлежало положить в кучю 20, а он положит вместо того 18 или 19 сажень, а запишет 20 же, как и образцы были, от чего у плутов-мастеров против указанного числа ис кучь и угля не выходило, также в тож вступают некоторые и надзиратели.

10) При воске угля приставленные, пока взятков не возьмут, принуждают крестьян насыпать в коробы угля с верхом, а когда взятки возьмут, то хотя и неполные или и мерою короб уже указанного от стягивания веревками принимают и пишут за полные, от чего может быть великой недостаток в угле и в интересе трата.

11) Без бытности моей от обербергамта лесным надзирателем дана команда, что которые крестьяне расположатца к поставке угля, чтоб отпуск и кто на срок не явитца, то наряд сводами розсылыщики мимо обербергамта ведали они и по привозе наказания чинили. И из оных некоторые так тирански поступали, что, напившись пьяные, бьют и мучат крестьян и мастеров немилостиво, чего им, пьяным, и не в указыные часы, а имянно после обеда и чинить не надлежало, но надлежало б им штрафовать токмо за малые вины, и то по утру, не пьяным, с разсуждением, а не по-тирански, а в больших винах объявлять во обербергамте. И для того им, лесным надзирателем, по крестьян самим собою не посылать, но ежели по кого надлежит послать, о том объявлять во обербергамт, по которому должен оной обербергамт тех крестьян, сыскав, определять в те работы, на кого какая положена будет.

Положенные на крестьян заводские работы — рубку дров, клажу, осыпку, зжение и разломку кучь, и воску на завод угля, добычу и воску руды, извести и протчие, какие по определению и расположению обербергамта повелено будет исправлять, розскладывать в дистриктах управителем самим по присяжной должности в трезвости, а не пьяным, при священниках. И при том розскладе быть старостам, сотским и другим выборным людям с протчими мирскими людьми из самых лутчих, средних и маломочных, по последней мере чтоб не менее от малой деревни было дву человек, а что больше, то лутче. И те работы класть на могущих от 15 до 60 лет, которые могут оные отправлять, а старых, скорбных, увечных и малолетних, которые работать не могут, также женской пол в те работы отнюдь не розскладывать и не высылать под штрафом, но им, не годным, годным в работу спомоществовать деньгами, что с кого надлежит, и те розсклады чинить каждого по состоянию и содержанию в самую сущую правду без посяшки и налегания, ниже кого обলেখая и отягощая, дабы между ими всеми равно было каждому в мочь по состоянию их и чтоб ни от кого жалобы в том не было. А ежели те розсклады чинены будут не по правде и один отягощен, а другой обলেখен будет, и не в силу кому положитца, и о том жалоба произойдет и сыщетца в том подлинно, и за то как управители, так [и] те окладчики и выборные люди без всякого упущения жестоко штрафованы будут. И при тех розскладах на кого какая работа положитца, чтобы он сработал, том их перепоручить каждой слободы и деревни, особливо слобода от слободы и деревни от деревни друг по друге. А где есть малые деревни, то тех деревень жителей перепоручить круговую порукою поддесяточно, чтоб было не менее 10 человек. А ежели ис крестьян за огурством своим збежат или будут укрыватца и в те положенные на них работы не пойдут и их исправлять не будут, то те работы исправлять тем поручившимся. А буде же тех слобод или деревень оные поручившие на таких огурников будут объявлять управителем, что они положенных на них работ не исправляют, а они, управители, тех огурников в положенные на них работы понуждать и высылать не будут и в том им учинят послабление и понаровку, а та положенная работа останетца в доимку, и те положенные на тех огурников работы повинны будут исправлять они, управители, обще с теми огурщиками и поручившимися по них. А под теми розскладами означивать имянно, что они перепоручены, и обретающимся на заводах управителем таких в работу принимать, а буде ис которой слободы или

ПРИМЕЧАНИЕ. ДЕ ГЕННИН ОБ УГОЛЬНОМ ДЕЛЕ

О содержании при лесном и куренном делах и что потребно в Екатеринбургe и на заводе цесаревны Анны к домнам, молотовым и протчим фабрикам в год дров заготовить, и ис того угля в выходе быть надлежит, и к приуготовлению того мастеровых людей	Число	Вес		Оклады и цены				
				Каждому		Всего		
		Пуд	Фунт	Руб	Коп	Руб	Коп	
Комплекту:								
Надзиратель лесов	1	–	–	89	70	89	70	
Подьячих	подканцелярист	1	–	–	35	–	35	–
	копейстов	2	–	–	18	–	36	–
Целовальников для приему угля и лесу и отдачи оног и продажи	4	–	–	12	–	48	–	
Угольного зжения	мастеров	18	–	–	–	–	–	
	учеников	18	–	–	–	–	–	
К тому на расходы	бумаги пишей стоп	10	–	–	2	–	20	–
	на чернила	–	–	–	–	–	50	
	свечь сальных	1000	–	–	–	–	3	60
	дров на одну печь, сажен	3	–	–	–	50	1	50
Угля ко всем фабрикам в Екатеринбургe и на заводе цесаревны Анны, как в штате показано, потребно коробов	60780	–	–	–	–	–	–	
На оное дров, щитаючи выходу ис кучи, то есть из 20 сажен по средней пропорции угля по 80 коробов, как ныне в выходе сажен	15195	–	–	–	25	3798	75	
Ис того кучь складено, осыпано и вызжено и розломано быть имеет	759 ^{3/4}	–	–	3	52	2674	32	
За воску с куреней угля по нынешнему разстоянию куреней по 3 копейки с короба, а со всех 60780 коробов придет	–	–	–	–	–	1823	40	
Да за прохожие дни из домов крестьяном, применясь к нынешнему расположению	–	–	–	–	–	572	86	
Угольным мастерам задельного по 1 копейке с короба, а всем 18 человеком	–	–	–	–	–	607	80	
Ученикам окладного по рублю на месяц, а в год по 12 рублей, а всем	18	–	–	–	–	216	–	
Итого расхода при угольном деле	–	–	–	–	–	9927	43	

■ Табл 1. Сведения об угольном производстве в Екатеринбургe и на заводе им. цесаревны Анны

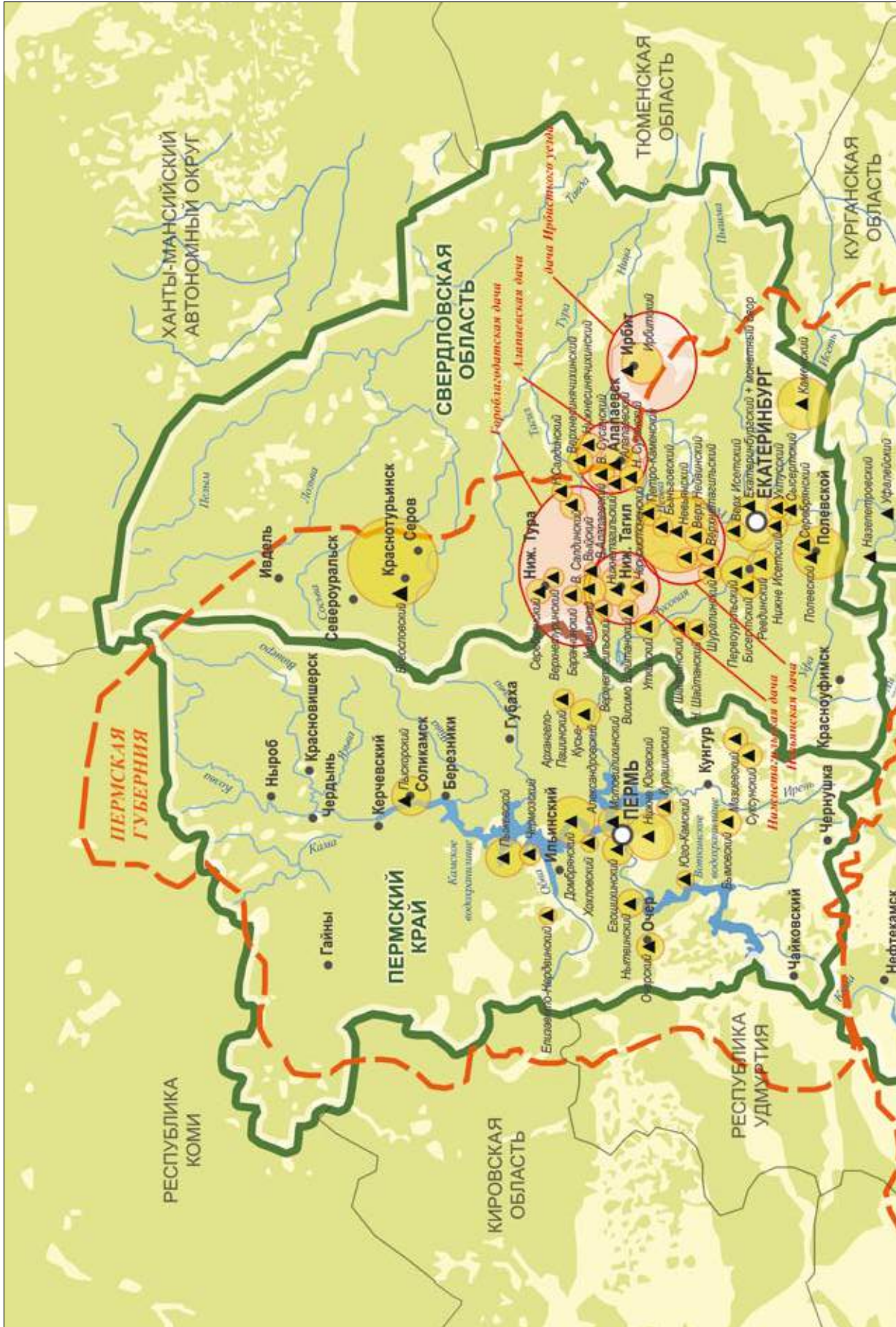
деревни сколько послано будет в работу и в том числе будут нетчики, то лесным управителем тех нетчиков не отпускать, пока они за тех нетчиков и огурников положенную на них работу исправят. Оной розсклад на приписных к заводам крестьян поставку дров, угля, руд, извести и протчего, что потребно к содержанию в добром порядке заводов, чинить заранее, дабы оной мог окончан быть заблаговременно, чтоб за оным не было опоздания во отправлении работ, а паче в рубке дров. И для того к тому принадлежащие ведомости з заводов збирать в самом скором времени, токмо при том в разверстке слобод в работы на повытчиков, как было до сего, не утверждаться, но смотреть того обербергамту, дабы между всеми слободами, и работы розвычены были порядочно, так, например, которая слобода до сего была у рубки дров, та б была у поставки руды или извести ади у других работ, а другая, которая прежде была у руды или у других работ, та б у дров и у кучных работ. И тако и о всех слободах чинить, чтоб крестьяне не имели приносить жалоб, что им друг против друга в том есть обида.

Лесной надзиратель должен иметь смотрение, чтоб около заводов мосты всегда были исправны, плотны и безопасны, дороги чисты и широки, и ежели где что повредитца, немедленно исправить, а осо-

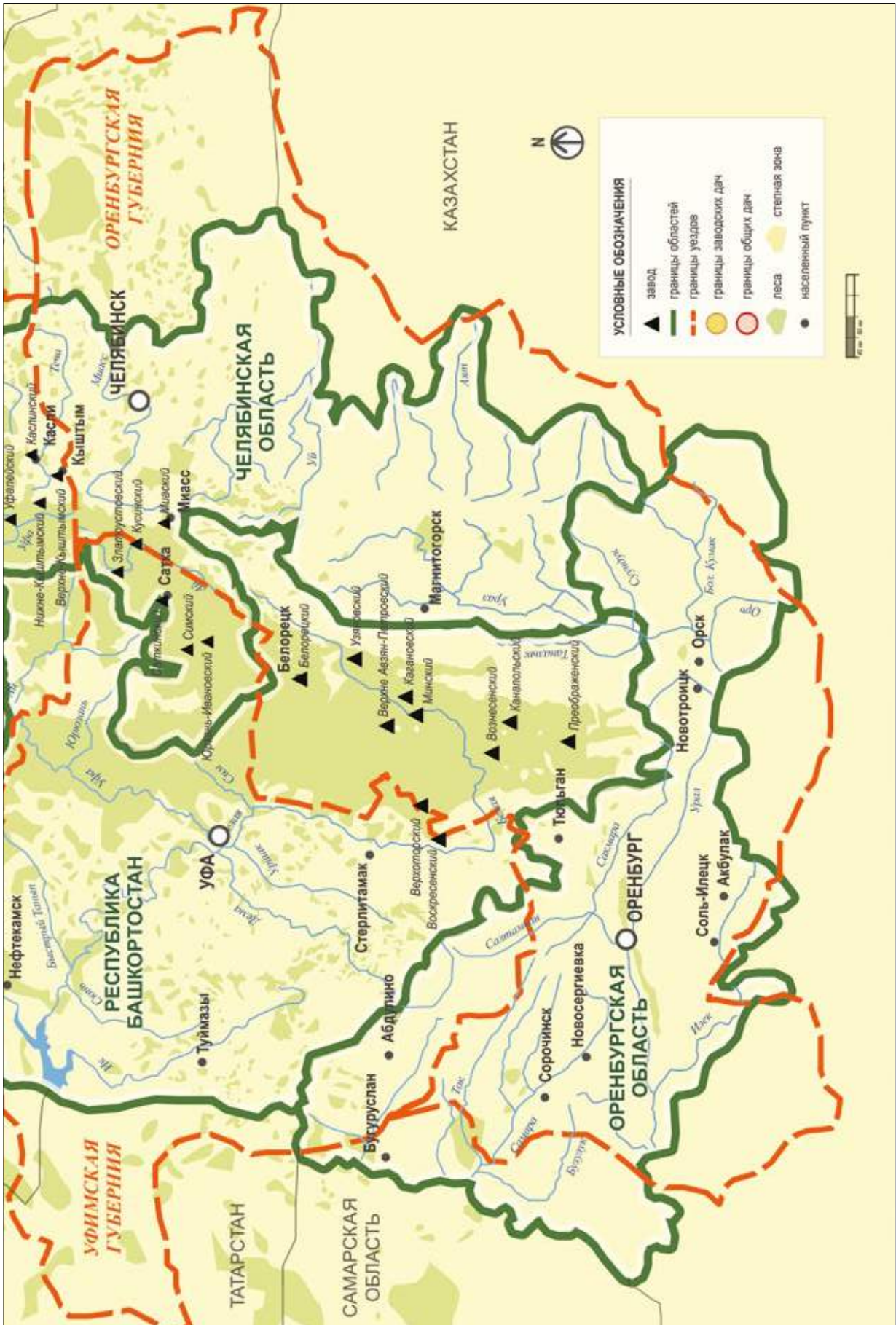
бливо те, которыми припасы, уголь на заводы возят. А кем оные ему исправлять, в том чинить по выданному в прошлом 1731-м году, июня 23 дня, камор-коллежскому регламенту по 29-му пункту, и того за ними смотреть и понуждать от обербергамта.

По тому расходу обойдетца угля короб по 16 5/16 копеек с малыми частями. При заводах оной продаецта оставшей на токах мелкой уголь по 25 копеек короб.

А понеже оной уголь по положению по штату полных всех расходов хотя и приходит по 16 5/16 копеек, но та цена подлинною быть не имеет, понеже угля ис кучь из ыных выходит более 80 коробов, да и подьячим оклады производятца менее того, нежели как по штату положено и выше сего показано, также и угольным учеником к цене приложены оклады полные годовые, а им не выходит и по половине оных, для того что при зжении угля, за что им плата производитца, бывают в одно зимнее время, а в летнее и протчее бывают в других чрезвычайных заводских работах, да и крестьяном за прохожие дни не всегда плата та приходит будет, что выше показана, но в ыных годах менее и более, для того что незавсегда из одних дистриктов крестьянам употребляютца, и за теми резоны всегда уголь оног имеет быть приходиться дешевле, как и ныне за 1733 год по выходу сочтено и пришел короб токмо по 16 копеек.

■ Рис 25. Карта лесных зон уральских заводов

■ Рис 26. Карта лесных зон уральских заводов (продолжение)

Александр Игоревич Займогов

**ЛЕСНЫЕ ДАЧИ
УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ**

Оформление и верстка: А. С. Крупп

Подписано в печать 12.05.2012

Формат 60х90/8.

Усл. печ. л. 25,1.

Заказ № 08/12-2

Отпечатано ООО «Издательский Дом «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54

В цифровом матричном коде (QR-коде) содержится ссылка и коды доступа к тексту данного издания, а также на сопутствующие материалы — фотографии, карты компьютерные модели и т. п., размещенные на различных сайтах в сети Интернет. Считывание QR-кода и просмотр информации можно выполнять устройствами, оснащенными фотокамерой, например коммуникаторами и смартфонами. Для популярных моделей коммуникаторов можно рекомендовать следующие бесплатные программы считывания и просмотра:

iPhone, iPad — QR Reader, QR Scanner;
смартфоны и планшеты Android — QR Droid, Quick Mark и другие.

А. И. ЗАЙМОГОВ «ЛЕСНЫЕ ДАЧИ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ»

ISBN 978-5-91256-105-4

Почти каждому человеку в России хорошо знакомо слово «дача». Сейчас дача — это загородный дом и земельный участок, куда городской житель приезжает летом отдохнуть. Но мало кто знает, что этому слову уже почти пятьсот лет. Слово «дача» зародилось в XVI столетии от глагола «дать» или «отдать». Царь жаловал своим дворянам земли с деревнями, лесами и реками, чтобы те получали со своего имения доход и могли нести государеву службу. Наибольший доход приносил лес. Порой количество леса играло ключевую роль в доходности поместья.

Со временем в земельных пожалованиях стали нуждаться не только служилые люди, но и различные предприятия. Лесной надел был необходим судостроительным верфям, лесопильным и металлургическим заводам. Особенно много леса требовало поташное дело (производство мыла). Стали возникать поместья или лесные дачи заводов и фабрик. Все это требовало создания законодательно-правовой базы, правил землепользования. Это был процесс не одного года и даже не одного десятилетия. Именно о развитии и создании лесных дач горнозаводского Урала идет речь в этой книге.

КНИГИ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПО КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ТЕМАТИКЕ

Д. К. ДУБРОВСКИЙ, В. Ю. ГРАЧЁВ
«УРАЛЬСКИЕ ПИСАНИЦЫ
В МИРОВОМ НАСКАЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ»

ISBN 978-5-91256-047-7

Е. М. БЕРС
«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ СВЕРДЛОВСКА
И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ»

ISBN 978-5-91256-097-2

А. И. ЗАЙМОГОВ
«СИНЯЧИХИНСКИЕ
ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЕ
ЗАВОДЫ»

ISBN 978-5-91256-053-8

В. И. БАЙДИН, В. Ю. ГРАЧЁВ
«УКТУС, УКТУССКИЙ ЗАВОД
И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ В XVII–XVIII ВВ.»

ISBN 978-5-91256-057-6

Н. А. РЫЖНИКОВ
«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ
ЕКАТЕРИНБУРГА»

ISBN 978-5-91256-096-5

Г. В. КОРОВИНА
«УСТРОЙСТВО
ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО
ЗАВОДА XVIII ВЕКА
В НИЖНЕЙ СИНЯЧИХЕ»

ISBN 978-5-91256-054-5